

18с
143
БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГИИ

12110

Н. ПОГОДИН, А. ТАЖИБАЕВ

Джамбул

ГОСКИНОИЗДАТ - 1952

Н. ПОГОДИН, А. ТАЖИБАЕВ

ДЖАМБУЛ

Киносценарий

58

2

12/110

5

Москва

Госкиноиздат

1952

*Публикуемый вариант сценария
написан при участии
режиссера Е. Дзигана*

Казахская ковыльная степь. Вдали горы, увенчанные снежными вершинами. Остатки древнего камня с почти выветрившимися арабскими письменами.

Издали приближается группа всадников.

Они пересекают бескрайние пространства, по которым движутся отары овец, караваны верблюдов. Вдали белеют юрты аулов...

Группа всадников несется к возвышенности, на которой стоит юрта Суюмбая. Вокруг нее собралось множество людей. Сидят на земле, на конях, на верблюдах.

Бедные национальные одежды — оборванные халаты, овчины, вытертые треухи. У охотников на согнутых руках могучие беркуты. Народ в скорбном молчании смотрит на юрту Суюмбая.

В толпе молодая красивая девушка Салтанат. Кого-то отыскивая, она спрашивает женщин, детей. Ей улыбаются в сторону.

У подножия кургана, на котором стоит юрта, Салтанат находит Джамбула. Он статен, широкоплеч, с живым умным взглядом темных блестящих глаз.

— Жаке, милый, — говорит девушка, — я ищу тебя всюду... Ты плачешь?

— Нет, плакать я не умею, — отвечает Джамбул.

И тихо, как бы про себя, он говорит, глядя на юрту Суюмбая:

— Неужели он умирает? Самый дорогой человек, великий акын. Он очень любил меня...

Салтанат, оглянувшись, присаживается рядом.

— А я?.. Разве я люблю тебя меньше?

Джамбул, словно не слыша Салтанат и не глядя на нее, продолжает свою мысль:

— Он заменил мне отца, он посвятил меня в тайны своего искусства, он рассказал мне, почему в наших богатых степях бедный народ.

Салтанат обнимает Джамбула:

— Бесценный мой, сокол мой... Он не обещал тебе свою домбру в наследство?

Джамбул не успевает ответить. Мимо них проносится группа богатых всадников, направляясь к вершине кургана.

Осадив коней, всадники спешиваются.

Это Кадырбай и Шаймухамед в сопровождении жигитов.

Кадырбай кинул взгляд на озабоченного Шаймухамеда:

— Волнуешься?

— Да, мирза, умирает великий певец, наш старейший акын, — отвечает Шаймухамед.

— Он был с причудами, этот старик Суюмбай, — замечает Кадырбай.

Шаймухамед горячо отвечает:

— Пускай... Но для меня получить из рук Суюмбая домбру, все равно, что получить богатое наследство.

— Не волнуйся, — успокаивает Кадырбай Шаймухамеда. — Ты вернешься с похорон Суюмбая с его домброй.

Оба направляются к юрте.

Навстречу выходят старики и знать. Они торжественно приветствуют Кадырбая, сопровождают его к юрте. У входа наиболее древний из старцев возвещает:

— Молитесь и ждите... К нему пошел лучший наш лскарь.

Кадырбай, Шаймухамед, старики и знатные люди остаются у входа в юрту. Слышно тихое звучание домбры.

На ложе, установленном в юрте, лежит аскетического вида старец. Он недвижим. И только сухая рука непрерывно перебирает струны домбры.

К Суюмбаю склоняется знахарь. Образ величавого умирающего старца резко контрастирует с обликом пронырливого старика знахаря. Повидимому, не в первый раз знахарь настойчиво предлагает больному пиалу со снадобьем.

— Выпей, Суюмбай, и к тебе вернется молодость!

Не открывая глаз, Суюмбай тихо говорит:

— Зачем мне молодость? Я хочу умереть стариком.

Знахарь пытается убедить старца:

— Знаешь ли ты, что я тебе даю? Здесь кровь молодого орла с золой от корней столетнего тополя, толченное сердце тигра и порошок из его же когтей. Если выпьешь, ты не умрешь!

И он насильно всовывает в фуку Суюмбая пиалу. Тот открывает глаза, нюхает снадобье, морщится и решительно выплескивает его на землю. Знахарь хватается за голову, выбегает из юрты и в негодовании кричит собравшимся у юрты старикам:

— Он выплеснул мой самый драгоценный напиток! Я отказываюсь его лечить.

Люди входят в юрту Суюмбая. Протискивается вперед Кадырбай, держа за руку Шаймухамеда. Кадырбай подходит к ложу умирающего:

— О мудрый наш! — с ложной патетикой восклицает он. — Светлый наш акын! Узнаешь ли ты меня?

Суюмбай посмотрел на Кадырбая:

— Как не узнать мне Кадырбая.

— К твоим ногам припадает лучший наш молодой пеев! — продолжает Кадырбай. И шепотом в сторону Шаймухамеда: — Падай... Рыдай!

Шаймухамед стремительно падает к ногам умирающего. На лице Суюмбая мелькает слабая, тонкая усмешка.

Кадырбай становится на колени и торопливо шепчет на ухо старику:

— Старейшие наши акыны и все лучшие люди изъявляют желание, чтобы ты передал свою домбру Шаймухамеду. Я объявлю эту твою волю народу!

— Ты, мирза, успокойся... — отвечает Суюмбай. — Я сам скажу...

Обрадованный Шаймухамед со слезами на глазах восклицает у ног умирающего:

— Живи, наш отец!.. Алла, алла...

Суюмбай бросает ему:

— Встань. Я еще жив. Не шуми.

Кадырбай торжественно обращается к старикам:

— Сейчас наш мудрый акын объявит, кому он передает свою домбру!

Среди собравшихся людей движение. Все с напряжением ждут.

Суюмбай тихо произносит:

— Принесите моего любимого сокола.

Кадырбай, торопясь:

— Сокола! Сокола!

Кто-то побежал за соколом. Суюмбай чуть приподнялся, осматривает собравшихся, ищет кого-то взглядом. Кадырбай вопрошающе склонился к старику.

— Позовите Джамбула...

Кадырбай громко, нетерпеливо кричит:

— Джамбул! Джамбул!

Люди кинулись к выходу.

Охотники вносят в юрту сокола. У входа появляется Джамбул. Старец смотрит на сокола, берет в руки свою домбру.

Кадырбай склоняется к изголовью умирающего и шепчет на ухо:

— Кому передашь домбру, акын-ата?

Суюмбай улыбается:

— Моему соколу.

Кадырбай вскакивает, волнуясь, кричит:

— Налейте кумыса!.. Он теряет память!

Люди засуетились, наливают в пиалу кумыс, подносят Суюмбаю. Тот отстраняет ее. Протянув домбру, тихо говорит:

— Пусть возьмет мою домбру Джамбул.

В юрте смятение. Оскорбленно вскочил с колен Шаймухамед. Задвигались неподвижные доселе величавые старики и акыны, заметались родственники.

Кадырбай подбегает к ложу умирающего:

— Опомнись, Суюмбай, — кричит он в негодовании, — перед тобой лучшие наши акыны, а ты завещаешь свою домбру какому-то нищему Джамбулу?

С трудом произнося слова, Суюмбай отвечает:

— У него мужественное сердце и правдивая душа, он лучший мой ученик... Мой сокол.

— Опомнись, Суюмбай! — кричит Кадырбай.

— Отдайте мою домбру Джамбулу, — повторяет Суюмбай, и худой, изможденной рукой протягивает домбру старцам.

Старцы передают ее от одного к другому.

Домбра плывет мимо акынов, мимо Шаймухамеда, они провожают ее взглядами, полными негодования и зависти.

Домбра переходит из рук в руки, плывет среди людей, принимающих ее, как священную реликвию.

Наконец она доходит до Джамбула. Он благоговейно берет домбру, целует ее, трепетной рукой касается струн.

Домбра запела.

Взбешенный Кадырбай, ни на кого не глядя, направляется к выходу. За ним спешат Шаймухамед, знатные акыны, встревоженные родичи. В юрте остаются только Джамбул, Салтанат и несколько древних старцев. Джамбул подходит к ложу Суюмбая, опускается на колени.

Умиравший акын кладет свою руку на плечо юноши. Джамбул взволнованно спрашивает:

— Как мне петь, ата?

Собрав последние силы, Суюмбай напутствует Джамбула:

— Странствуй по родной земле... Пусть самый последний чабан, старуха доярка и бедный жатак, охраняющий зимовья, будут твоими наставниками... Пусть слезы народа будут твоими слезами, пусть счастье народа будет твоим счастьем.

Суюмбай поднимает сокола:

— Прощай, мой сокол, — шепчет старец, — небо твое, земля моя... Прощай, мой Джамбул-сын. Не сокола я выпускаю в небо, а тебя, Джамбул-певец, пускаю в жизнь!.. Тебя, мой...

Не закончив своего благословения, Суюмбай медленно сползает на подушки и остается недвижим. Пауза. Тишина.

Из рук Суюмбая, освободившись, вылетает сокол. Он поднимается вверх, к своду юрты, где через открытое отверстие синее небо.

Из отверстия юрты вылетает сокол. Народ, стоящий перед юртой, следит за полетом птицы. Несколько стариков, вышедших из юрты, поднимают над ней белый стяг — знак смерти старого человека.

Среди народа слышны горестные восклицания, плач:
— О Суюмбай, золстой акын наш!.. Свет погасший!..

Через расступающуюся толпу стремительно идет к своему коню Кадырбай, сопровождаемый Шаймухамедом и знатю.

Оборванный старик с гневом говорит им, указывая на поднятый белый флаг:

— Великий акын умер. Остановитесь.

Кадырбай бросает ему:

— Пусть его поминают голодранцы, как ты!

Вскочив на коня, Кадырбай со своими спутниками мчится прочь.

Около стяга стоит потрясенный смертью учителя Джамбул. Возле него Салтанат.

Слезы текут по лицу юноши. Прижимая к груди домбру Суюмбая, он шепчет:

— Слезы народа будут моими слезами, счастье народа будет моим счастьем...

И словно давая клятву, Джамбул поднимает глаза к небу.

Там, распластав могучие крылья, парит над курганом сокол, выпущенный Суюмбаем.

Древний камень с почти выветрившимися арабскими письменами, который мы видели в начале фильма. Прошло время — камень еще больше осыпался, покосился. Прошедшие годы оставили на камне свои следы.

В степи показывается всадник. Он едет, перебирая струны домбры. Это Джамбул. Он окреп, возмужал. Одежда молодого певца попрежнему небогата, на коне — переметные сумы.

Джамбул оглядывает местность, замечает камень. Оборвав песню, останавливается на вершине кургана. Там стоит покосившийся от времени остов юрты Суюм-

бая, развалившаяся глиняная пристройка. Все заросло травой, все говорит о заброшенности бывшего жилья Суюмбая.

Не сходя с седла, Джамбул грустно смотрит по сторонам, шепчет:

— Мой Суюмбай... Мой учитель...

Вдруг, что-то увидев в степи, круто повернул коня, стремительно мчится с кургана.

Джамбул нагоняет группу конных чабанов, которые на веревке тащат подростка.

Мальчик не кричит, не плачет, но всеми силами старается освободиться.

Джамбул преграждает путь чабанам, кричит:

— Постойте! Я вижу, вы поймали разбойника, чем он вас обидел?

Чабаны останавливают коней, переглядываются. Джамбул с деланной строгостью кричит мальчику:

— Говори, разбойник, что ты сделал! Кого ты убил?!

Но мальчишка, пользуясь тем, что аркан ослаб, ловко выпутывается и стремглав бежит в степь.

Чабаны кричат, собираясь пустить коней следом за беглецом.

— Лови! Лови чертенка!

Джамбул становится поперек дороги.

— Постойте, чабаны. Скажите, что случилось?

Разгневанные чабаны теснят конями Джамбула.

Один из чабанов свирепо замахивается на него плетью. Но рука останавливается и медленно опускается. Лицо чабана из свирепого делается добрым и радостным:

— Порази меня стрела, это Джамбул!

Остальные чабаны восклицают:

— Джамбул!

— Сын Джабая, акын!

— Джамбул вернулся!

Джамбул почтительно приветствует чабанов, спрашивает:

— Что же сделал ваш маленький разбойник?

И одновременно, наперебой, спеша поделиться горем, чабаны повествуют:

— Беда, Джамбул, у нашего хозяина подохла лучшая собака.

— Любимый волкодав Кадырбая.

— Он велел притащить на аркане мальчишку, кормившего собак.

— А Қасым не виноват... Собаку укусила змея.

Джамбул с гневом произносит:

— Глупые люди! Виноват — не виноват, но мальчика Кадырбай засечет насмерть! Возьмите вину на себя, всех бай не посмеет сечь.

Мальчик Қасым, укрывшись в зарослях, прислушивается к разговору Джамбула с чабанами. Стараясь лучше запомнить имя этого замечательного человека, он с восхищением повторяет:

— Джамбул... Сын Джабая...

Один из чабанов — по облику и одежде, повидимому, старший — говорит Джамбулу:

— Ты сказал доброе слово. Мудрый совет. Пусть лопнет от злости Кадырбай — мальчишку мы не отдадим!

Чабаны присоединяются к словам старшего. Джамбул, довольный, заключает:

— И не бойтесь! Бай один, а вас много.

Направляет коня к виднеющемуся вдали аулу Кадырбая.

Едет Джамбул. Звучит в степи его домбра, слышен его напев.

Джамбул въезжает в аул Кадырбая, в ту его часть, где живут бедняки — чабаны, ремесленники, коневоды. Их юрты покрыты рваным войлоком, сквозь который пробивается дым очагов. Оборванные люди катают кошмы,

работают у горнов кузниц. Повсюду следы нищеты, изнурительного труда, тяжелых условий жизни.

Люди узнают акына, встречают его радостными взглядами:

— Джамбул!

— Джамбул вернулся!

Оставив свою работу, народ устремляется к Джамбулу, идет рядом с его конем.

— Расскажи, Джамбул, где ты был все эти годы, что видел? — спрашивают певца.

Джамбул в ответ ударяет по струнам и запекает:

Степь я от края до края прошел.
Счастья напрасно искал, не нашел.
Степи богаты, просторы вольны,
Степи богаты, а люди бедны.

Около одной из юрт Салтанат слышит песню Джамбула, узнает его голос. Бросив свою работу, девушка бежит навстречу Джамбулу.

Джамбул кончил петь. Народ забрасывает его вопросами:

— Скажи, жаке, где лучше жить — у нас или в Киргизии?

С мягким юмором Джамбул мгновенно отвечает:

— Вам везде хуже!

Смех. Молодой чабан в тон Джамбулу спрашивает:

— А тебе где лучше, Джамбул?

— О, мне! — отвечает Джамбул под перебор своей домбры, — мне хорошо всюду, где мои друзья!

— Отчего же ты опять вернулся сюда? — спрашивает кто-то.

— Соскучился... — хитро отвечает Джамбул. — По баю Кадырбаю.

Веселье, смех.

Вдруг Джамбул словно окаменел. Домбра чуть не падает из его рук.

Кто-то поддержал ее!

— Что с тобой, Джамбул?!

Джамбул не отвечает, соскакивает с коня, пробирается сквозь кольцо окруживших его людей и спешит к стоящей в стороне взволнованной Салтанат. Бросается к ней:

— Салтанат!

— Джамбул!.. — с нескрываемой радостью шепчет счастливая Салтанат.

— Где бы я ни странствовал, Салтанат, все эти годы ты была у меня в сердце, — тихо говорит Джамбул девушке.

— Все эти годы я думала только о тебе, мой Джамбул.

— Я приехал просить твоей руки, — нерешительно говорит Джамбул.

— Проси... — соглашается Салтанат.

Джамбул кивает головой в сторону большой богатой белой юрты:

— А твой родич Кадырбай даст согласие?

Трепетно, чуть не со слезами на глазах Салтанат говорит:

— Милый мой, серебряный сокол мой, ты только угоди ему! Он глуп, он думает, что умнее его никого на свете нет... За ним всюду ездит певец Шаймухамед, который его прославляет. Кадырбай платит за это конями, серебром. Угоди Кадырбаю. Счастье наше в твоих руках!

Влюбленные глаза обоих.

Порывисто отвечает Джамбул:

— Без тебя мне не жить, не петь. Я все сделаю, все...

И Джамбул решительно направляется к юрте Кадырбая.

На поляне около богатой юрты сидит Кадырбай в окружении гостей и приближенных.

Он урюмо смотрит на собачий ошейник с колокольчиками, который держит в руках.

Шаймухамед поет Кадырбаю песню. Слуги подносят кумыс, яства.

Кадырбай гневно отмахивается, прерывает Шаймухамеда:

— Надоело, пой новое.

Шаймухамед начинает другую песню.

Кадырбай, послушав, снова обрывает певца:

— Слышал, замолчи.

Тот перестает петь.

К поляне приближается Джамбул. За ним движется народ.

В толпе мальчик Касым, которого Джамбул спас от гнева хозяина.

Кадырбай всматривается, удивленный, вопрошает:

— Это ты, Джамбул?

— Я, мирза, — отвечает спокойно акын.

— Где ты пропадал? — задает вопрос Шаймухамед.

— С тех пор, как умер великий учитель Суюмбай, — говорит Джамбул, — я странствую по родной земле, пою простым людям и собираю песни и сказания.

Шаймухамед усмехается:

— Немного же ты нажил за эти годы! Не зря тебя наши баи прозвали Рваным акыном.

Кадырбай, пораженный:

— Я давно слышу: Рванный акын, Рванный акын! Это ты?

— Да, мирза, — подтверждает Джамбул.

Кадырбай спрашивает с неприязнью:

— Ты зачем приехал в мой аул?

— Свататься, — отвечает Джамбул. — Я люблю Салтанат и хочу взять ее в жены.

— Ты? — Кадырбай громко смеется, смеются и гости. — Ну да, — после паузы говорит Кадырбай, — я ее только для тебя и растил!.. За такую девушку полагается хороший калым, а ты что можешь дать?

— Калым певца — хорошие песни! — весело отвечает Джамбул.

Кадырбай переглядывается с Шаймухамедом и меняет тон:

— Ты, кажется, умеешь петь веселые песни. Можешь развеселить меня?

— Могу!

— У меня подохла собака, лучший сторож стада. Прославь мою собаку!

Джамбул стоит потупившись. Лицо его омрачается. С тревогой смотрит на него Салтанат.

Смотрит на Джамбула народ, напряженно ожидая ответа.

Шаймухамед язвительно повторяет:

— Прославь собаку!

Джамбул вздохнул, поднял голову.

— Хорошо, — тихо говорит он Кадырбаю, — я прославлю и вас и вашу собаку.

И начинает запев.

Джамбул поет свою ставшую потом знаменитой песню «Собака бая Кадырбая»:

Слушайте, слушайте, люди степей,
Бай о собаке тоскует своей.
Вольная песня, лети по аулам,
Бай Кадырбай, ты послушай Джамбула!

Голос Джамбула звучит все сильнее:

Собака не плохо степям послужила,
Пользу большую она приносила.
Я славлю ее неустанно, однако...
Я знаю: злодею служила собака!

Гул одобрения со стороны народа. Возмущенные возгласы баев. Перекрывая шум, Джамбул заканчивает, обращаясь к Кадырбаю:

Я все переделал бы, если бы мог:
Жила бы собака, а ты бы подох!

Среди гостей и приближенных бая смятение. Народ восторгом, смехом отвечает на песню Джамбула.

Слышны возгласы:
— Молодец, Джамбул!

— Пой правду, акын!

Кадырбай взбешен:

— Проклятый бродяга! В плети его!..

Джамбул уходит, слуги кидаются следом за ним.

Народ закрывает собой Джамбула. Размахивая плетью, слуги пытаются пробиться через толпу. Мальчик Касым путается у них под ногами, мешая преследователям.

Джамбул обнимает Салтанат, прощается с ней. Девушка горестно восклицает:

— Что ты сделал, Джамбул?

— Прости, Салтанат, — тихо говорит Джамбул, — иначе я не мог... Прощай.

— Прощай, мой Джамбул-джан, — шепчет Салтанат и смотрит на Джамбула взглядом, полным любви и страдания. Джамбул вскакивает на коня.

Слугам Кадырбая наконец удается пробиться через толпу. Они спешат по следам Джамбула. Но уже поздно: низко пригнувшись к голове коня, он несется горы...

Захолустный городок Верный. Грязная площадь собора. В глубине, у деревянного помоста, украшенного трехцветными царскими флагами и коврами, видн

группа офицеров в парадных мундирах, священников, казахской знати в парчовых халатах и нарядно одетых дам с зонтиками. Слышен колокольный звон, звуки духового оркестра, отдаленные крики «ура».

Вокруг помоста, за цепью городских толпится парод: казахи, русские. В массе своей толпа состоит из мелкого крестьянского люда, русских поселенцев, казахо-ремесленников и приезжих степняков, по большей части конных. Торговцы. Продажа шашлыка прямо с огня.

Усатый пристав выводит на площадь необычную процессию: десятка два акынов верхом в парадных одеждах, с домбрами в руках. Особенно выделяется своими мехами и перьями заметно постаревший Шаймухамед.

Пристав, оборачиваясь к всадникам и непрестанно вытирая мокрый от жары затылок, говорит:

12110 — Уразумейте, господа акыны: к нам в Семиречье прибыл новый губернатор, в честь коего и устроено сие торжество. Понятно? Спешивайтесь, настраивайте свои бандуры. Веселей, веселей!

Акыны спешиваются. Шаймухамед приосанивается, оправляет свои пышные одежды.

В толпе, окружающей площадь, стоит Джамбул. Он стал значительно старше. Годы наложили отпечаток на его лицо. Джамбулу более сорока лет. В руках акына неизменная домбра, одежда попрежнему небогата.

С Джамбулом стоит группа русских поселенцев — Петр Николаев, Никита Гурьев, Степан Соколов, Анна, и двое казахов — Бекбулат и Айдар Баранбаев. Бекбулат, человек с резкими чертами лица, выражающими волю и отвагу, с усмешкой замечает, глядя на пристава и акынов:

— Никогда не видел, как полиция учит наших акынов петь.

Смех окружающих.

Пристав бросается к Бекбулату:

— Что ты болтаешь, болван?!

Бекбулат спокойно повторяет:

— Я говорю, что никогда не видел, как полиция уч наших акынов.

Смех еще громче. Пристав оторопел.

— Что? У ссыльных бунтовщиков выучился?! — Пристав кивает на русских товарищей Бекбулата. — Смотри меня!

Грянул марш. Встречают губернатора. Слышны аплодисменты, приветственные возгласы.

Сопровождаемый свитой, на помост поднимает губернатор. В ответ на приветствия он кивает головой во все стороны. Стоящий перед помостом казах, одетый в меха и сверкающую парчу, падает на колени и ползает к помосту.

Это Кадырбай. С подобострастностью он обращается к губернатору:

— Ваше высокопревосходительство! Смеет ли бедный человек из племени казахов просить вас послушать наших лучших певцов-акынов. Они желают по казахскому обычаю провести в вашу честь состязание — айтыс.

Губернатор, довольный, кивает головой:

— Хорошо. Пусть поют. Это трогательно. — И приглашает Кадырбая взойти на помост.

Усатый пристав делает знак. Из группы акынов середину круга выходит Шаймухамед.

Он самоуверенно оглядывается, ударяет по струнам, делает традиционный протяжный запев и поет куплет вызова:

Эй, акын любой,
Запевай со мной!
Губернатор нас
Пригласил на той!

Все акыны стоят неподвижно. Никто не выходит в центр круга.

Слышен повторный вызов Шаймухамеда:

Эй, акыи, не стой!
Запевай со мной!

Акыны стоят.

Губернатор недоумевает:

— Ну, что же?..

— С великим Шаймухамедом, ваше высокопревосходительство, никто не решается состязаться, — поясняет Кадырбай.

В этот момент народ расступается, давая дорогу Джамбулу. Он подходит к Шаймухамеду и становится против него. Тот изумлен.

— Джамбул? Ты принимаешь мой вызов?

— Мы с тобой еще ни разу не состязались, — усмеяется в ответ Джамбул.

Губернатор доволен:

— Нашелся-таки соперник! Это делается интересным, господа!

На помосте оживление. Офицеры, зная, дамы с интересом смотрят на Джамбула.

С одной из повозок, окружающих площадь, соскакивает взволнованная женщина. С ней девочка.

Женщина, в которой мы узнаем Салтанат, пораженная, шепчет:

— Джамбул... Джамбул...

Салтанат пробирается, держа девочку за руку, вперед, к месту, где начинается состязание. Она постарела, лицо у нее очень усталое.

Первым поет свой куплет Шаймухамед:

Кто богаче всех?
Кто сильнее всех?
И на всей земле
Кто мудрее всех?

Губернатор и все собравшиеся внимательно слушают.
Слышен голос Шаймухамеда:

Это белый царь
В золотом венце!
Он весь век живет
В золотом дворце.

Губернатору нравится песня Шаймухамеда:

— Прекрасно, очень трогательно... Высокий стиль, — говорит он и хлопает в ладоши. За ним аплодирует свита и все собравшиеся на помосте.

Наступает черед Джембула. Сделав протяжный выкрик, которым акыны начинают песни, он поет первый куплет:

Ой, акын Шаймухамед,
Петь мне так, как ты, не след!
Коль хвостом уж так вертеть,
Лаять нужно, а не петь!

Со стороны народа слышны смех, гул одобрения.

Измученный губернатор, не разобрав, переспрашивает:

— Что такое, что такое?!

— Ваше высокопревосходительство, — спешит сказать смущенный Кадырбай, — это грубый певец. Сейчас наш Шаймухамед его посрамит, и он уйдет с позором.

Шаймухамед оглядывается, видит, как Кадырбай жестами подбадривает его, ударяет по струнам и поет, закрывая время от времени глаза:

Слово дерзкое бросая,
Ты позоришь Суюмбая.
Ты опомнися б, Джембул,
Царский праздник уважая!

Джембул мгновенно отвечает:

Честь акына ты позоришь!
Ты кому здесь песней вторишь,
Голосишь, закрыв глаза,
То, что пристав приказал?!!

Шаймухамед должен петь отвст. Но ему уже с трудом дается стих. Он подбирает слова песни медленно, за-
пинаясь:

Ой, Джамбул, домбру бросай
И беды не наживай.
Нас рассудит Кадырбай —
Наш почтенный управитель,
Песен ревностный ценитель!

Шаймухамед делает поклон в сторону Кадырбая.

В контраст с Шаймухамедом Джамбул отвечает мгновенно:

Не судья мне ворон тот,
Не судья мне знати сброд —
Пусть рассудит нас народ!
От суда ты не уйдешь.
Продай песни, продай душу
И народ свой продаешь!

Слова Джамбула вызывают одобрение в толпе на площади. Шаймухамед стоит растерянный, опустив домбру.

Слышны крики:

- Уходи, Шаймухамед!
- Ты посрамлен, уходи!
- Иди торговать баранами!

Празднество нарушено.

Джамбул выходит из круга. На помосте смятение. Мечется и ахает Кадырбай.

Возмущенный губернатор уходит, бросая на ходу приставу:

— Что вы смотрите? Это опасный смутьян!

Пристав бросается к толпе, свистит полицейским. Заметив стоящего среди народа молодцеватого русского солдата, подзывает его:

- Эй, солдат! Видел смутьяна, что скрылся в толпе?
- Так точно.

— Задержи его -- губернаторский приказ! И на водку дам, — пронзительно шепчет пристав.

Солдат исчезает в толпе.

Джамбул стоит окруженный казахами, среди которых Бекбулат и Баранбаев. Тут же русские товарищи — поселенцы. Они ничего худого не подозревают. Бекбулат пожимает руку Джамбулу.

Появляется русский солдат.

— Спасайте человека. Плохо будет, — быстро говорит солдат. — Скрывайтесь.

Баранбаев и его товарищи уводят Джамбула.

Пристав с полицейскими пробирается через толпу. Сталкивается с солдатом.

— Задержал? — спрашивает пристав.

— Так точно.

— Где же он?

— Рядом.

Солдат показывает в сторону, противоположную той, куда ушел Джамбул. Пристав с полицейскими бросается туда.

Бекбулат, Баранбаев, Джамбул и русские поселенцы выходят на боковую улочку города. Тут же и Қасым, молодой рослый казах.

Бекбулат с тревогой говорит:

— Надо достать пару хороших коней и провезти акына из города.

— Кони есть!

— Ты кто? Откуда? — спрашивает Баранбаев.

— Я Қасым, чабан Қадырбая. Я поеду с акыном.

— Как же ты решаешься бежать со мной? — удивляется Джамбул.

— А вы помните, акын, мальчишку на аркане в ауле Қадырбая? — взволнованно говорит Қасым. — Помните, как вы спасли меня от плетей? Помните вашу песню о дохлой собаке?

Джамбул поражен:

— Сыночек! Как же ты вырос! Какой жигит!

— Родители умерли... Я остался один... Хочу быть вашим слугой, акын!

— Слуг мне не надо. А хорошему другу рад.

— Я буду вашим хорошим другом, акын Джамбул, — горячо говорит Қасым и исчезает.

Джамбул протянул руку Бекбулату:

— Спасибо, Бекбулат... Слыхал я про тебя. Славил твои дела. Наконец мы встретились. Спасибо, что выручил.

Бекбулат не соглашается:

— Не я выручил. Солдат выручил. Вот какие люди! Понял, акын?

Джамбул многозначительно отвечает:

— Теперь я многое понял, Бекбулат...

Тот наклоняется к Джамбулу:

— И запомни, акын, что мы с русскими людьми готовимся к большим делам.

Джамбул внимательно слушает Бекбулата. Вдруг поднимает голову, смотрит на другую сторону улицы.

Там стоит Салтанат. Неотрывно смотрит на Джамбула, прижимая обе руки к груди. Девочка вцепилась руками в платье матери.

Джамбул пристально всматривается в женщину. Лицо его внезапно меняется, он узнает Салтанат.

Глаза Салтанат полны слез. Джамбул бросается к ней. Бекбулат и его товарищи остаются в отдалении. И вот Джамбул и Салтанат стоят в стороне одни. Взволнованная печальная встреча...

Разъяренный пристав с полицейскими мечется по улицам среди расходящегося народа.

— Где солдат?.. Где солдат?.. Где солдат?! — шипит он полицейским.

Те озадачены:

— Как сквозь землю провалился.

Пристав в ярости:

— Найти, взять, связать!

— Слушаемся, — отвечают полицейские и разбегаются.

— Стой, — кричит пристав. У него одышка, и пот каплет по лицу. — Оставить! Певца взять!.. С балалайкой!.. Который смутьян...

— А где же его взять, ваше благородие?

— Не знаю! Весь город проверить, а взять.

Полицейские разбегаются, пронзительно свистя.

Джамбул и Салтанат молча смотрят друг на друга. Девочка попрежнему держится за подол матери.

Издали доносятся свистки полицейских. Свистки все ближе, громче.

— Твою песню о собаке Кадырбая поют повсюду в аулах, — говорит Салтанат.

— Значит, я правильно сделал, что спел ее тогда, — отвечает Джамбул.

Салтанат потупилась.

— А Кадырбай срывает свою злобу на мне.

Отведя взгляд, Джамбул спрашивает:

— А что же муж?

— Он мне сказал: «Ты любишь Рваного акына», и взял себе другую жену. Я живу одна и только радости, что дочь единственная...

На улицу влетает Қасым с запасным конем.

— Садитесь, акын, — говорит он торопливо, — полиция вас ищет.

Свистки полицейских совсем близко.

Бекбулат, Баранбаев и их товарищи торопят Джамбула.

Салтанат подбегает к Джамбулу, поднимает на руках девочку.

— Запомни имя моей дочери, жаке. Ее зовут Сайра. Я научу ее любить тебя больше отца... Прощай, мой Джамбул. Прощай навсегда...

— Прощай, моя Салтанат, — с грустью говорит Джамбул и вскакивает на коня.

Кони, которых привел Касым, прекрасны. Баранбаев строго спрашивает юношу:

— Чьи кони?

— Мои собственные, — отвечает весело Касым. — Все мое богатство.

— Салям тебе, Бекбулат, — говорит, прощаясь, Джамбул. — Салям, друзья, — обращается он к русским поселенцам.

Касым и Джамбул мчатся по улицам, скрываясь из города.

В 1916 ГОДУ КАЗАХСТАН ОХВАТИЛО НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ГНЕТА ЦАРИЗМА И КАЗАХСКИХ ФЕОДАЛОВ, ПОДДЕРЖИВАЕМЫХ САМОДЕРЖАВИЕМ...

Губернатор Семиречья идет по залу мимо высоких окон, в которых отражается зарево пожара.

Губернатор останавливается и спрашивает сопровождающих его жандармских офицеров:

— Что горит?

— Непокорные аулы, ваше высокопревосходительство.

Губернатор молча проходит дальше.

Он строго смотрит на стоящих перед ним акынов. Их человек двадцать. В ряду акынов стоит Джамбул. В его волосах уже сильная проседь.

Губернатор тоном, полным достоинства, говорит:

— Господа волостные управители, бий, аксакалы! Мы имеем сведения, что некоторые из ваших певцов-акынов

возбуждают своими песнями взбунтовавшуюся чернь, возглавляемую мятежниками Амангельды, Токаш Бокепом и политическими ссыльными из России.

Акыны хмуро слушают губернатора. Характерные лица.

Губернатор кричит:

— Не потерпим, господа акыны! За каждое слово о восстании — Сибирь! Тюрьма!

Сдержавшись, губернатор отходит к столу и величественно объявляет:

— И посему мы положили взять с каждого певца письменное ручательство в том, что он обязуется... — Резко скандируя, губернатор выкрикивает: — За-молчать.

Акыны, среди которых Джамбул, стоят молча.

— Прошу подписываться, — говорит губернатор.

Кадырбай наклоняется к губернатору и шепчет:

— Пусть первый Джамбул подпись поставит, ваше высокопревосходительство. Это он поднял тогда смуту на празднестве. Опасный человек, смутьян.

Губернатор, строго:

— Зови его.

— Джамбул, иди сюда, — говорит Кадырбай.

— Иди, — поддакивает стоящий рядом с Кадырбаем Шаймухамед.

Джамбул подходит к столу. Губернатор вглядывается в него, протягивает лист бумаги и приказывает:

— Подписывайся.

Протягивает Джамбулу ручку.

Джамбул рассматривает ручку, кладет ее на стол и лукаво говорит:

— Я не знаю грамоты. Совсем не умею писать-читать, ни по-нашему, ни по-вашему...

Губернатор возмущается:

— Черт знает что! Феномен какой-то! — и распоря-

жается: — Пусть намочит палец в чернилах и приложит... И смотри, если будешь сочинять и петь, — в тюрьму, в кандалы!

Губернатор уходит.

Жандарм мажет палец Джамбулу чернилами.

— Приложи.

Кадырбай и Шаймухамед нетерпеливо поддакивают:

— Приложи!

— Приложи!

Джамбул, посмотрев на палец, намазанный чернилами, делает вид, что хочет приложить его к бумаге, и медлит.

Кадырбай и Шаймухамед торопят:

— Приложи!

Джамбул ведет игру: то приближает палец к бумаге, то отдаляет.

Скрывая издевку, он спрашивает:

— Сюда?

— Сюда, сюда! — показывает Кадырбай и прижимает палец Джамбула к бумаге.

Джамбул делает на листе один за другим ряд отпечатков пальца.

— Довольно, довольно! — останавливает его жандарм.

Кадырбай торжествуя подходит, говорит Джамбулу:

— Ну, теперь понял? Больше не будешь петь свои подлые песни!

— Все понял, — отвечает Джамбул и, подняв домбру, тихо напевая, напоминает Кадырбаю слова песни: — «Жила бы собака, а ты бы...» — и жестом делает знак: — «подох!».

Кадырбай оторопел.

Джамбул уходит.

Окно, забранное чугушной решеткой. За ней виден силуэт Джамбула. Скорбное лицо. В руках домбра.

С большой печалью Джамбул тихо импровизирует под перебор струн:

Скорби сегодня не утаю,
Будет печален сказ.
Слушайте: падают в песню мою
Слезы из многих глаз...

Около надворной постройки с решетчатым окном, в котором виден Джамбул, стоит караульный солдат. Рядом с ним на завалинке расположился фельдфебель.

Слышна песня Джамбула:

Болью налившись, плачь, струна,
В этот тоскливый час.
Ты услышала, моя страна,
Черный царский указ!

Скорбный мотив домбры звучит по улицам села. В степи полыхают пожарища. Жители стоят у плетней и молча смотрят на горящие аулы. Ветер несет оттуда клубы черного дыма, тучи пыли...

В хате, обставленной по-украински, у стола сидит средних лет офицер в чине поручика. Китель расстегнут. На нем солдатский георгиевский крест. У притолки стоит угрюмого вида крестьянин-украинец лет сорока.

— Ну что, придет учительница? — спрашивает офицер.

— Приде, — коротко отвечает крестьянин.

— Что в степи слышно?

— Аулы горят... И больше ничего.

Офицер пристально посмотрел на хозяина. В дверях показывается Анна. Остановилась на пороге. Смотрит строго и настороженно. Поручик спешит застегнуть китель. Крестьянин выходит из хаты.

Поручик подходит к женщине.

— Прошу прощения, что побеспокоил вас, — мягко говорит он. — Разрешите попросту представиться: Арсений Сергеевич Коваленко, бывший учитель полтавской гимназии. — Коваленко протягивает руку.

Анна подает свою, но спрашивает сухо:

— Чему обязана?

— Мне хотелось поговорить с вами.

— О чем?

— О восстании...

Офицер хмурится и с неподдельной искренностью говорит:

— Мне навязали отвратительную роль... По приказу губернатора разыскивается какой-то акын. Он обвиняется в том, что был в лагере мятежников и пел им свои возмутительные песни, — поручик бросил взгляд на раскрытую папку с бумагами, лежащую на столе. — Джембул какой-то Джабаев... Примет никаких, есть отпечаток пальца, а я не следователь... Сдали мне неизвестного старика, надо выяснить, не тот ли.

Анна делается внимательной:

— А вы не знаете, тот или нет?

Поручик улыбнулся:

— Откровенно говоря, я не очень дознавался. Старик молчит, на вопросы не отвечает, гордый...

Слышна печальная мелодия домбры.

— Слышите? Он похож на наших стариков... бандуристов... Тяжело все это...

Анна недоверчиво смотрит на поручика. Он понял ее взгляд и быстро заговорил:

— Я, к счастью, в подавлении мятежа не участвовал. Капризами судьбы заброшен в эти края с войны, команду ротой запасных и плохо разбираюсь, что здесь в степи происходит.

— Поговорите с хозяином, — сдержанно говорит учительница. — Он человек умный, местную жизнь знает.

Поручик быстро отвечает:

— Все они втайне сочувствуют восставшим казахам и отмалчиваются. Вы, конечно, меня не знаете, но поверьте, мне очень тяжело.

Анна внимательно смотрит на офицера. Пауза. В тишине стало слышнее звучание домбры. Анна прислушивается, подходит к офицеру, склонившемуся над папкой с бумагами, и смело говорит:

— Отпустите его, — кивает на окно, откуда доносится мелодия акына.

Офицер удивленно:

— То есть как?

— Отпустите и все.

— А если тот? — говорит поручик, тронув папку с документами о Джамбуле.

— Но вы же не знаете...

Офицер задумывается.

Анна наклоняется к нему и говорит быстро, шепотом:

— Без того много слез и горя... Мне хочется верить вам. В степи поднялась беднота, чабаны, ремесленники против своих угнетателей... Восстание подавлено, сам Бекбулат закован... Без того много горя. Отпустите его.

Двор хаты. Около каменной клетки, где находится Джамбул, стоят солдат и фельдфебель. Жарко. Ветер. Пыль. Солдат средних лет, с тесаком, не обращая внимания на фельдфебеля, в задумчивости напевает песню «Есть на Волге утес...»

В солдате легко узнать того человека, который помог Джамбулу скрыться в Верном от полицейских.

Фельдфебель пьет кумыс.

Среди проходящих по улице людей и бредущего стада появляются Баранбаев и мальчик. Баранбаев молча знаком указывает мальчику на окно и проходит дальше.

Мальчик останавливается у плетня, устремив жадный взгляд на решетчатое окно.

Фельдфебель, покосившись на солдата, достает из кармана бутылку и подливает из нее в кумыс какую-то жидкость.

Солдат, не глядя, говорит:

— Обалдеешь, фельдфебель.

Тот поспешно прячет бутылку.

— С чего это?

— Самогон в кумыс пускаешь.

Фельдфебель начальническим тоном:

— Тебя не касается.

— Оно так, — солдат снова запел.

— Пой, пой, Василий, — угрожающе говорит фельдфебель и указывает на окошко. — Один вон допелся! — Вдруг кричит в сторону мальчика: — Кишь! — И Василию: — Я этого постреленка давно приметил... Кишь!

Мальчик Алгадай нехотя удаляется.

Фельдфебель пьет кумыс с самогоном, хмелеет все больше.

— А чего постреленку надо? Может, он подослан бунтовщиками к арестованному?

Василий усмехнулся:

— Нашли преступника.

Фельдфебель старается говорить сурово и наставительно:

— Этот арестованный есть государственный изменник. Он со своей балалайкой в степи возмущение подымал. Ему каторга! А ты напеваешь. А почему напеваешь? Ты и сам неблагонадежный... политический...

Солдат мирно отзывается:

— Ложись спать.

Фельдфебель, покачиваясь, отходит к завалинке, но хорохорится:

— Я одним глазом сплю, другим службу справляю.

У плетня опять появляется мальчик. Василий запеваёт свою песню:

Есть на Волге утес.
Джким мохом порос
Он с подножья до самого края..

В темном, прокопченном помещении каменной клетки Джамбул прислушивается к песне солдата. Она ему нравится. Взяв домбру, он начинает вторить русскому напеву.

Василий услышал аккомпанемент Джамбула. Запел душевнее, теплее.

Джамбул начал подпевать песне.

Солдат слышит голос Джамбула. Улыбнулся. Песня Василия слилась с песней Джамбула:

И поныне стоит
Тот утес и хранит
Все заветные думы Степана.
И лишь ветер степной
Вспоминает порой
Удалое житье атамана.

Мальчик у плетня слышит голос Джамбула. Горящие и печальные глаза.

— Ата... Ата... — шепчет мальчик.

Солдат, продолжая петь, кинул взгляд на спящего фельдфебеля и манит к себе пальцем мальчика. Тот робко подходит. Василий что-то шепнул ему на ухо, открыл засов у двери каменной клетки. Парнишка мгновенно проскальзывает в дверь.

Алгадай входит в каморку Джамбула. Обрадованный акын восклицает:

— Алгадай, сыночек!

— Ата... Ата... — обнимает мальчик отца. Оглянувшись, шепчет: — Ата, дядя Айдар велел передать, что здесь не знают, кто вы...

Джамбул кивает головой, гладит сына:

— Ты откуда?

— Из дому, — отвечает Алгадай и вдруг плачет.

— Что ты, сыночек?

— Мать умерла... Семь дней тому назад... Закопали. Домбра падает из рук Джамбула на колени сына. Внезапно в дверях появляется фельдфебель. Молча, торжествующий и пьяный, он крепко хватает Алгадая. Уводит.

На пороге останавливается и бросает Джамбулу:

— Сын?

Тот молчит.

Фельдфебель ухмыляется:

— Молчишь? Ну, молчи. Теперь все равно их благородие попытается, кто ты есть!

Фельдфебель утаскивает Алгадая, зажавшего в руках домбру отца.

В хате за столом поручик и украинец-хозяин. Лед между ними сломался, и теперь они разговаривают за просто, курят.

— Значит, Бекбулат, захваченный при подавлении мятежа, не злодей, а хороший человек?

— На злодиев — злодий, на хороших — хороший, — отвечает крестьянин.

— А кто же эти злодии?

— У нас — паны, у них — баи.

— А ты кого-нибудь из здешних панов знаешь?

— Эге.

— Кого же?

Украинец затыкнулся, выпустил дым.

— Тутошний пан по имени Кадырбай... Не человек — сатана.

— А ему при восстании досталось?

— Ще как... Тильки вин богатый. Скота у него тучи.

На пороге хаты, покачиваясь, появляется радостный фельдфебель. В одной руке у него домбра, другой он держит испуганного мальчика. Хозяин хаты уходит.

С трудом ворочая языком, фельдфебель докладывает:

— Так что рядовой Василий Власов порушил службу, впустивши к арестованному сына. Я докладываю вам, ваше благородие, служивый Власов есть неблагонадежный...

Поручик подходит к фельдфебелю, оглядывает его:

— Дыхни.

Фельдфебель мнетя.

— Ну! — требует поручик.

Фельдфебель старается дыхнуть в сторону.

Поручик грозит пальцем:

— Опять пьешь с утра!.. Вот я тебя вместе с Власовым предам военно-полевому суду.

Фельдфебель каменеет. Хмель разом проходит.

— Ваше благородие!.. Ваше благородие! Виноват...

— Оставь мальчика, — приказывает поручик.

— Слушаюсь, — поспешно выполняет приказание фельдфебель.

— Положи домбру.

— Слушаюсь, — кладет домбру на стол.

— Кру-гом, — приказывает офицер. — Шагом марш!

Фельдфебель поворачивается и, печатая шаг, исчезает.

Поручик подходит к Алгадаю, сняв с него шапчонку, гладит по голове:

— Зачем к отцу пришел?

— У нас мать умерла...

Поручик вздохнул.

Издалека становится слышна дробь барабана.

— Как тебя зовут, малыш?

— Алгадай.

— А отца зовут Джамбул?

Мальчик вздрогнул, потупился, молчит.

Мерный треск барабана приближается, становится громче.

Поручик смотрит в окно, что-то соображает и быстро, тихо говорит мальчику:

— Ступай за село. Там подождешь... Понял?

— Понял, — шепчет Алгадай.

— Не горюй, брат, беги.

Алгадай, не сводя удивленных глаз с поручика, покидает хагу.

По улицам села конвой ведет большую, человек в триста, группу арестованных казахов. Впереди Бекбулат. Барабанщик бьет дробь. Офицер, начальник колонны, едет верхом сбоку. Ветер несет дым пожаров из степи.

Пленные повстанцы идут мужественно и гордо. Некоторые ранены. Одежды у многих порваны, опалены, хранят следы сражения. Жители селения незаметно от конвоя передают пленным хлеб, кувшины с молоком, узелки с едой.

У калитки стоят поручик и солдат Василий Власов. С ними ровняется офицер конвоя. Отдавая честь, офицеры приветствуют друг друга.

— Прошу вас, господин поручик, — говорит конный офицер, — вывести арестованного для опознания. Вы нашли переводчика?

— Так точно, господин ротмистр, — отвечает поручик.

Ротмистр дает команду по конвою. Колонна арестованных останавливается, занимает небольшую площадь перед хатой.

Усталые люди располагаются на земле.

Поручик, воспользовавшись тем, что офицер отъехал, тихо спрашивает Василия:

— Запомнил, что я тебе говорил? Хорошо понял, как их следует спрашивать?

— Так точно, ваше благородие, — весело и лукаво отвечает солдат.

Фельдфебель с другим солдатом выводят Джамбула. При виде его среди арестантов возникает движение. Люди быстро встают. Множество глаз смотрят на Джамбула.

Смотрит Бекбулат, пораженный встречей.

Джамбул видит своих людей, видит Бекбулата. Взволнованно шепчет:

— Бекбулат!.. Лев мой, Бекбулат.. Сердце мое, надежда моя!

Джамбул делает движение к Бекбулату, тот готов броситься навстречу. Поручик, видя это, поспешно говорит:

— Можно начинать, господин ротмистр!

Конный офицер подает команду. Арестованных разделяют на две колонны и по свободному пространству между ними медленно проводят Джамбула.

Поручик громко говорит Василию:

— Спроси, знают ли они Джамбула Джабаева и признают ли его в этом человеке.

Василий переводит вопрос по-казахски, но переводит так, что людям ясно, как нужно отвечать.

Дым пожарищ плывет над людьми.

Джамбула медленно ведут между рядами арестованных. Поровнялись с Бекбулатом. Он встречается глазами с акыном и поспешно первым дает ответ. За ним откликаются и все пленные.

Василий переводит ответ поручику:

— Заявляют, ваше благородие, что Джамбула Джабаева знают, но в этом человеке его не признают.

Поручик задает новый вопрос:

— Спроси их, узнают ли они в нем певца, который в лагере мятежников пел им свои песни.

Василий снова задает вопрос по-казахски. Джамбула проводят взад и вперед между арестованными. Жители селения молча наблюдают за происходящим.

Люди дружно отвечают Василию.

Василий докладывает поручику:

— Не узнают, ваше благородие.

Поручик задает третий вопрос:

— Спроси, кто из них когда-либо, где-либо встречался с этим человеком.

Василий переводит.

Джамбула проводят мимо Бекбулата. Он пристально всматривается в акына. Конвоиры останавливают Джамбула. Бекбулат берет руку Джамбула, крепко пожимает ее и отвечает по-казахски. За ним отвечают и все остальные.

Василий облегченно докладывает:

— Говорят, ваше благородие, что этого человека никто из них в глаза не видал.

Пауза.

Ротмистр подходит к Джамбулу, внимательно смотрит на него, на Бекбулата и пленных. В раздумье тербит эфес шашки...

— А вы знаете этого человека? Он Джамбул? — обращается он к украинцам, среди которых стоит Анна.

— Нет, — первой отвечает Анна. — Он не Джамбул.

— Не знаем его, — подтверждают украинцы.

Вечер. По степи на фоне пожаров бешено несутся всадники. Это Кадырбай, Шаймухамед и несколько жигитов.

Всадники приближаются к украинскому селению, мчатся по улицам.

— Теперь, — говорит Кадырбай Шаймухамеду, — можешь считать домбру Суюмбая своей.

Шаймухамед торжествует:

— В могиле Джамбул обойдется без нее.

В хате за столом, при лампе поручик быстро, с удовольствием пишет что-то. Снаружи доносятся топот, лай

собак, громкие голоса. В комнату вваливаются Кадырбай и Шаймухамед. В ярости кричат, заглушая друг друга:

— Где Джамбул?

— Где он?

Поручик с неприязнью останавливает их:

— Кто вы такие, что вам надо?

Шаймухамед мгновенно отступает назад, но Кадырбай не унимается, продолжая кричать:

— Меня знает господин губернатор! Я Кадырбай, хозяин этого края. Я требую выдать Джамбула. Его надо повесить.

— Повесить, повесить! — вторит, сверкая глазами, Шаймухамед.

Поручик очень вежливо указывает на лавку:

— Прошу, присядьте, господин Кадырбай, хозяин этого края.

Кадырбай садится. Шаймухамед увидел на столе домбру, весь загорелся, не сводит с нее глаз.

— Певец, содержавшийся у меня под стражей, — с той же вежливостью говорит поручик, — никем как Джамбул Джабаев не опознан. Мы вынуждены были его отпустить, о чем и доношу господину губернатору.

Кадырбай вскочил:

— Как так?!

— Ваше благородие! Вот домбра Джамбула! — восклицает Шаймухамед и тянется к домбре. — Моя домбра!

— Ваша домбра? — поручик делает удивленное лицо.

— Моя, моя! — торжествуя, кричит Шаймухамед.

— Значит, — строго говорит поручик, — вы и есть Джамбул Джабаев.

Шаймухамед, вцепившийся в домбру, изумленный, машет головой и повторяет:

— Домбра моя, моя...

Поручик невозмутимо и угрожающе говорит:

— Значит, вас надо повесить?

Шаймухамед в ужасе:

— Меня повесить? — кидается за спину Кадырбая и оттуда кричит: — Я Шаймухамед! Я не Рваный акын, не Джамбул!. Его домбра должна быть моей!

Кадырбай торопливо подтверждает:

— Да, да, домбру — ему. А Джамбула надо вместе с Бекбулатом... — не договаривает, задохнувшись от ярости.

— Ничем не могу помочь, господа, — сухо и вежливо говорит поручик, — ничего не знаю, но понимаю, кто требует жестокостей... казней...

Кадырбай резко двинулся к двери, грубо бросает на ходу:

— Это наше дело... Мы его найдем...

— Ищите, — холодно говорит поручик. — Это ваше дело.

Шаймухамед, не выпуская из рук домбры, уходит следом за Кадырбаем.

Взвиваются полотнища красных знамен. На балконе губернаторского дома стоят солдат Василий, Касым, вооруженные казахи-рабочие. Внизу на площади множество людей, знамена, лозунги.

Стоит многоголосый восторженный гул, звучит медь духовых оркестров.

Обращаясь к народу, Василий говорит:

— Товарищи! Трудовой народ! Семиречье открыто подает свой голос за власть Советов, за великие завоевания Октября, за свободу и счастье народа, во имя которых отдали свою жизнь наши товарищи Токаш Бокен и Бекбулат.

Громовое ура несется с площади.

Приемная губернатора полна народа. Вооруженные люди диктуют телеграфисту:

— Всем, всем, всем! Вся власть в городе Верном и Семиречье перешла с сего дня в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Военно-революционный комитет Семиречья будет неуклонно проводить в жизнь все декреты и постановления Совета Народных Комиссаров Российской Федеративной Республики.

В приемной появляются Айдар Баранбаев, Анна и группа рабочих. Идут к столу, вокруг которого толпится народ.

Баранбаев объявляет:

— Товарищи! Ревком принял решение послать делегатов в красный Питер, к товарищам Ленину и Сталину...

Восторженный гул народа, возгласы одобрения покрывают его слова. Баранбаев продолжает:

— ...чтобы получить указания по немедленному устройству новой жизни, без буржуазии, помещиков и баев.

Снова возгласы одобрения, радости, восторга.

— Прошу назвать кандидатов, — говорит Баранбаев. К столу подходит Василий Власов.

— Делегатом в Петроград товарища Василия надо послать, — предлагает кто-то.

— Верно, — раздаются голоса. — Пусть едет солдат-большевик за старшего!

— Этот не подведет!

Анна записывает имя Василия в список.

— И Айдара Баранбаева, — слышится новое предложение.

— Верно, Баранбаева! — поддерживают люди.

— Его наш Бекбулат посылал к Амангельды! Народ знает своего Айдара!

— Баранбаева, — записывает Анна.

Касым предлагает:

— Джамбула, акына надо послать.

Общее одобрение, голоса:

— Джамбула... Джамбула...

Вошедший с балкона в приемную Айдар Баранбаев замечает:

— Джамбул-ата не сможет ехать.

Анна недоуменно спрашивает:

— Почему не сможет?

— Должен ехать, раз народ посылает, — настаивают голоса.

Айдар говорит:

— Я сосед Джамбула. После тюрьмы он уже не выходит из своей юрты. И ему ничем не поможешь. Жизнь нашего Джамбула угасает.

Наступает молчание. Кто-то вздохнул. Анна зачеркивает в списке имя Джамбула.

Одинокое зимовье среди снежных, пустынных просторов. В замерзшем окне светится огонек.

В юрте на деревянной кровати лежит с закрытыми глазами Джамбул.

Сын Джамбула Алгадай, мальчик лет восьми, сидит у окна с затрепанным букварем в руках.

Снаружи слышны голоса возбужденных людей, и через мгновение в юрту входит группа казахов. Клубы морозного пара врываються вместе с ними. Джамбул лежит неподвижно, закрыв глаза. Дремлет. Пришедшие, увидев спящего Джамбула, останавливаются, жестаи подзывают к себе мальчика.

Один из пришедших подает пачку листовок.

— Можешь прочесть это, сынок? — шепотом спрашивает он мальчика.

— Могу, — также шепотом, но с гордостью отвечает Алгадай. — Меня дядя Айдар выучил. — Берет листовку, идет с ней к светильнику.

Все усаживаются около мальчика на пол. Алгадай принимается за дело серьезно и значительно.

— «Декларация прав народов России», — шепотом по складам читает Алгадай заголовки листовки.

Джамбул открывает глаза, прислушивается.

— «Октябрьская революция рабочих и крестьян началась под общим знаменем раскрепощения, — слышен голос Алгадая. — Раскрепощаются крестьяне от власти помещиков, ибо нет больше помещичьей собственности на землю — она упразднена».

Молчаливые, непроницаемые слушатели Алгадая оживляются, как это бывает при огромной и еще не совсем понятной новости.

Тот, кто принес листовки, сбрасывает с головы шапку-ушанку, и мы видим смышенное лицо веселого малого с живыми глазами.

— Я же говорил, вы спорили, — горячо говорит он окружающим. — Ленин, говорил я, Советы, говорил!..

Его останавливают:

— Тише, Майбасар. Читай, читай, Алгадай.

Алгадай продолжает читать. Чувствуя важность дела, он читает старательно, звонко, даже торжественно.

— «Совет Народных Комиссаров решил положить в основу своей деятельности по вопросу о национальностях России следующие начала: равенство и суверенность народов России... Свободное развитие национальных меньшинств...»

Джамбул открывает глаза, напряженно прислушивается. Поднимается и идет к столу.

— Что за листы? — спрашивает он Майбасара.

Чтение оборвалось. Люди встают.

— Извините нас, Джамбул-ата, вам худо?

— Что за листы? — еще раз настойчиво спрашивает Джамбул.

Майбасар сообщает;

— Наш Айдар прислал из города. Он сказал, пусть читают, а кто в ауле сумеет прочесть, кроме вашего Алгадай?

Джамбул поднял руку:

— Подожди, Майбасар. Алгадай, — спрашивает он, — какие люди подписали этот великий закон?

Мальчик читает:

— «Председатель Совета Народных Комиссаров Ульянов-Ленин, Народный комиссар по делам национальностей Иосиф Джугашвили-Сталин».

Люди повскакали с мест. Восклицания и вопросы сливаются в общий шум.

— Ленин, говорил я, Ленин... Ленин, Сталин, — восклицает Майбасар.

— Бай без земли — больше не бай!

Взволнованные лица.

— Что будет делать теперь Кадырбай, старый шайтан?

— Джамбул-ата, как вы скажете?

Джамбул благоговейно держит в руках листовку:

— Что я скажу вам, когда эти слова сильнее небесного грома. Я ждал смерти, пришла жизнь. Ступайте в аулы, славьте, казахи, людей, написавших этот закон.

Казахи уходят.

Ветер и снег врываются в дверь.

На улице буран. Снежный вихрь окутывает выходящих людей. Свистит ветер. Навстречу вихрю, сгибаясь под порывами ветра, чабаны, засыпанные снегом, гонят отары овец. Звенят колокольчики на жожаках стада.

Чабаны идут, проезжают мимо жилища Джамбула. Резко осаживают коней, пораженные, смотрят.

Опираясь на посох, на бешеном ветре, весь в снегу стоит около своей юрты Джамбул.

В руках его красное шелковое полотнище. Ветер рвет его, и алые взметы развевающейся материи, как вспышки пламени, мелькают в белой снежной пелене.

Чабаны смотрят с изумлением, не веря своим глазам:

— Джамбул!..

Старик пастух кричит, сиюсь перекрыть свист ветра и шум бурана:

— Джамбул-ата!.. Бог мой! Мы уже оплакивали твою кончину.

Джамбул весело откликается:

— Поэтому я и раздумал умирать. А кто вы такие? Куда кочуете?

— Мы люди Кадырбая, — отвечает старик. — А куда кочуем, неизвестно. Хозяин знает. Он поднял все аулы и приказал двигаться.

— Бежит старый волк! — усмехается Джамбул, смахивает с лица снег.

— Не остудись, Джамбул, ты же болел, — говорит чабан.

— Не простудой болел я, а горем, — отвечает Джамбул и протягивает одному из чабанов посох и красное полотнище.

Тот с недоумением берет их.

— Сделай стяг, — говорит Джамбул, — скачи ко всем чабанам и батракам Кадырбая, передай им салам, началась новая жизнь!

Старик пастух изумленно восклицает:

— Джамбул, что ты говоришь?

— Верните аулы и стада на зимовья. Не слушайте Кадырбая, теперь он не властен над вами!

— Джамбул, каждое твое слово дороже золота, — восклицает пастух, — но кто тебе принес такую весть?

Джамбул медленно, значительно отвечает:

— Люди, написавшие новый закон. Ленин, запомните! Сталин, запомните!

Молодой чабан приладил к посоху алое полотнище, и вот в снежной мгле взвилось трепещущее красное знамя.

Чабаны поскакали к стаду, поворачивают его назад.

Молодой чабан со знаменем помчался в сторону... Скрылся в вихре бурана.

И вот уже чабаны поворачивают свои стада обратно. Бурный круговорот бесчисленной отары овец, возбужденные крики чабанов.

Всадник со знаменем, возникнув из вихрей бурана, влетает в гущудвигающихся повозок, окруженных скотом и подводами со скарбом.

Мечется по ветру алое пятно знамени. Люди бросаются к знамени.

Подняв знамя над головой, чабан кричит людям:

— Братья казахи! Поворачивайте назад аулы и стада. Не идите с Кадырбаем, боритесь с ним, пришел новый закон жизни! Закон Ленина! Закон Сталина! Это сказал Джамбул, верите вы ему?

Гул восторженных возгласов пронесся над долиной. Чей-то молодой голос кричит:

— Верим Джамбулу!

И пошло. Сотни голосов повторяют слова доверия Джамбулу.

В снежной метели остановился поезд Кадырбая — груженные добром повозки, подводы, верблюды.

В богатой, закрытой пологом повозке — Кадырбай. Сзади него — семь перепуганных жен. Кадырбай в бешенстве кричит своим верховым жигитам:

— Аулы сами не могли повернуть обратно! Кто их перенял на дороге?

— Акын... Старый акын, — отвечают жигиты.

— Будь он проклят, — в ярости говорит Кадырбай, — уж не Джамбул ли?

— Он, мирза, сам Джамбул.

Кадырбай надевает рукавицы.

— Далско его жильє?

— Рядом, мирза.

Одним прыжком, прямо с повозки Кадырбай вскакн-
васт на коня, скрывается в снежном вихре.

Жигиты следуют за ним.

Жены в повозке, высунувшись из-за полога, плачут и
голосят...

Джамбул один у своего жилища. Он стоит на возвы-
шенности из неотесанных камней. Из степи появляются
всадники, подлетают, спешиваются.

Кадырбай поднимается наверх, подходит к Джам-
булу.

На лице Кадырбая тихая улыбка. Почтительный
поклон.

— Асалям-магалеюкүм, Джамбул... — вежливо гово-
рит Кадырбай, оглядывая жилище акына. — Вот не знал,
что ты так бедно живешь, что болен ты. Хочу помочь
тебе... акын. Ведь ты лучший акын.

Джамбул внимательно оглядел богато одетого Кадыр-
бая. Вдруг рассмеялся. И весело и легко произносит:

В степях посеявший так много зла,
Стоишь ты над могилою своею!
Ложись в песок! Тебе я не мулла.
За павших молиться не умею!

Кадырбая покорило.

— Уймись, старик, — с досадой, но все еще сдержи-
ваясь, говорит он, — оба мы старые люди, долг ли путе-
до наших могил?

— Твой век кончился, тебе и пора ложиться в моги-
лу, — говорит Джамбул.

— А тебе? Лучше посмотри на себя! — стараясь сдер-
жать свою ярость, говорит Кадырбай.

— Да, Кадырбай, — отвечает Джамбул, — я стар и вчера еще думал о смерти, а сегодня нет!

Взгляд Кадырбая темнеет.

— Джамбул, ты пятьдесят лет ненавидишь меня!

— Ненавижу, это правда, — соглашается Джамбул. — Но если я один ненавижу, то почему же ты бежишь отсюда?

Джамбул с усмешкой смотрит на Кадырбая. Тот старается говорить миролюбиво:

— Э, Джамбул, к чему пререкаться? Ты зря смутил моих людей. Пойдем, верни их назад. Ты не поверишь, как много я тебе заплачу. Верни!

Джамбул смотрит в лицо Кадырбая и тихо, сдерживая ненависть, произносит:

— Верни нам Бекбулата.

Кадырбай отшатнулся:

— Акын, ты в своем уме?

— Верни Бекбулата, верни казненных людей.

Кадырбаю страшен спокойный, с ясными глазами Джамбул.

— Рванный акын! Дьявол! — кричит он в бешенстве и страхе. — Эй, люди, в плети его! Бить, пока не кончится!

Запахнув шубу, Кадырбай спускается вниз. Ветер со снегом бьет в лицо.

Обернувшись, он видит, что слуги стоят, не двигаясь с места.

— В плети! — неистово кричит Кадырбай. — Каждому даю коня! В плети его!

Слуги продолжают стоять.

Наконец один из них хмуро отвечает:

— Это невозможно, ага. Он Джамбул.

В бессильной ярости мечется Кадырбай.

Джамбул сверху смотрит на него спокойно и насмешливо...

Ветви яблонь усыпаны белыми цветами. Мимо цветущих деревьев проезжает отряд конников — казахов русских. Звучит марш духового оркестра. Радости возгласы людей. Раскаты «ура».

Впереди под знаменем командир, рядом с ним Айд Баранбаев и Касым.

Жители аула выбегают навстречу, радостно приветствуют бойцов. В особенном восторге мальчишки, упоением шагающие впереди под веселый марш. Слыны возгласы приветствий, радости.

— Слава богу, кончилась война!

— Погостите у нас, товарищи бойцы, отдохните!

Колонна останавливается, спешивается. Жители аула окружают бойцов, наперебой предлагая им кумыш кушанья.

У здания сельсовета, на террасе, окруженной цветущими яблонями, командир конников. Рядом с ним каз средних лет.

— Так вы говорите, товарищ председатель, — продолжает беседу командир, — что этот мудрый человек помогает вам.

— Хорошо помогает, товарищ командир! Байск прихвостни забыли дорогу в наш аул!

Командир говорит председателю:

— Он вам хорошо помогает. А вы ему?

— Помогаем, товарищ командир! — восклицает председатель. — Хорошо помогаем. Поле пашем, скот да лошадь дали, как отца, бережем.

— Значит, Джамбул себя хорошо чувствует?

— Нет, плохо себя чувствует.

— Болон?

— Нет... — И с грустью председатель сельсовета продолжает: — Был у нас золотой акын. Я еще мальчик слышал его веселые песни. А теперь Джамбул молчит. И помочь ему невозможно.

— Что же сомкнуло его уста? — спрашивает командир. Председатель рассказывает:

— Давно еще, в шестнадцатом году, баи отобрали у акына его домбру. Старики рассказывают, будто в юности Джамбул получил эту домбру из рук великого народного певца Суюмбая — друга бедных людей. Потеряв домбру, Джамбул перестал петь...

— Мы поможем вашему золотому акыну, — весело говорит командир.

На террасе появляется шумный, подвижной Касым. В руках у него сверток, завернутый в цветной шелковый платок.

— Нашли Джамбула! — радостно сообщает боец. — Жив-здоров он, товарищ Фурманов. Я ему ничего не сказал про подарок. Сами отдадите, товарищ командир.

Командир отряда — молодой Фурманов. Он встает:

— Пойдемте к Джамбулу.

Вместе с председателем и Касымом спускается с террасы.

Фурманов в сопровождении председателя, Касыма, Баранбаева, командиров, жителей, детей идет по аулу.

Вокруг под сенью цветущих яблонь и знамен полка царит неподдельное веселье ликующего народа. Пляшут бойцы — русские и казахи, вызывая шумное одобрение людей из аула — женщин, мужчин, детей.

Своеобразное сочетание танца двух бойцов: под один и тот же мотив русский паренек пляшет русский танец, казах — казахский. Как в переплясе, они поочередно показывают свое искусство — одну фигуру хлеще другой.

Фурманов идет дальше. Дети окружают бойцов, с почтительным восхищением трогают их оружие, огромные маузеры, карабины, шашки. Взобравшись на дула оружий, ребята играют в войну...

Фурманов с окружающими его людьми направляется к группе стариков, среди которых стоит Джамбул. Ка-

сым, проходя мимо оркестра, делает знак следовать за командиром. Музыканты, прекратив игру, идут за Фурмановым.

Джамбул, закрываясь рукой от солнца, всматривается в идущего к нему Фурманова.

— Мне много хорошего рассказывал Айдар Баранбаев об этом человеке, — говорит он старикам.

Фурманов подходит к акыну:

— Здравствуйте, Джамбул Джабаевич, — говорит он. — Моя фамилия Фурманов, зовут Димитрий.

Фурманов берет у Касыма сверток в цветном платке:

— Позвольте возратить вам, Джамбул-ата, то, что принадлежит вам по праву.

Фурманов разворачивает платок. Достав из него старую домбру, протягивает ее Джамбулу. Касым делает знак музыкантам.

И сейчас же запели фанфары оркестра, грянули трубы. Музыканты играют туш.

Джамбул, ошеломленный, смотрит на домбру, на Фурманова, на людей, его окружающих. Не верит... домбры не берет.

— Посмотрите, это ваша домбра? Домбра Суюмба? — спрашивает Фурманов.

В напряженной тишине, наступившей после туша, Джамбул медленно, с трепетом склоняется над домброй. Смотрит. Тронул струны.

В волнении восклицает:

— Откуда она у вас?

Множество людей, окруживших Фурманова и Джамбула внимательно следят за их разговором.

— Нашим бойцам, — говорит Фурманов, — удалось при разгроме контрреволюционных банд найти ваших старых преследователей.

— Кадырбай, Шаймухамед... — шепчет Джамбул.

— Они, они... — подтверждает Фурманов.

Джамбул низко кланяется всем: Фурманову, бойцам.
— Джамбул ни перед кем не склонял головы, — говорит он тихо. — Сейчас я кланяюсь нашей советской власти и Ленину.

Фурманов, держа домбру в руке, торжественно говорит:

— Вы замечательный жирши-поэт, Джамбул-ата. Говорю вам это, как писатель. Вы большой знаток поэзии Востока. Знаете Пушкина, переведенного вашим великим просветителем Абаем?

Фурманов поднимает обеими руками домбру и громко, торжественно заканчивает:

— От имени партии коммунистов-большевиков прошу вас: возьмите снова в руки свою домбру, творите ваши песни, они нужны народу!

С этими словами Фурманов вручает Джамбулу домбру Суюмбая.

Снова грянул оркестр. Мощные, величественные аккорды «Интернационала».

Бойцы и командиры замерли, отдавая честь.

Джамбул стоит потрясенный, прижимает к сердцу свою домбру. На глазах слезы.

— Сынок... Сынок... — говорит он Фурманову, — мне по ночам снятся такие песни, каких я никогда не пел... Ведь горе народа — мое горе, счастье народа — мое счастье!

Все мощнее и шире звучит «Интернационал». Бойцы и командиры подхватывают гимн, и вот он звучит и в оркестре и в могучем хоре. Джамбул стоит выпрямившись, так же торжественно и строго, как Фурманов, командиры, бойцы.

Слезы текут и текут по лицу акына. Пальцы Джамбула перебирают струны старой домбры Суюмбая, вторя «Интернационалу». Звучание струн слышно отчетливо и сильно.

Ночь. Юрта Джамбула. Полог входа приподнят, видна степь, снежные вершины гор. Посреди юрты горит огонь, на треножнике греется котелок. В углу на постели спит Алгадай. Джамбул, оглядываясь на спящего сына, достает из сундука сверток, разворачивает его.

Алгадай приоткрывает один глаз, тайком наблюдая за отцом.

В руках у Джамбула домбра. Убедившись, что Алгадай спит (мальчик снова успел закрыть глаза), Джамбул начинает тихо и осторожно ходить по юрте, перебирая струны. Он ищет напев. Остановился, покачал головой.

— Не то, Джамбул, не то...

Снова ходит и снова перебирает напевы.

Алгадай украдкой следит за Джамбулом. Открывает глаза и быстро закрывает. Так несколько раз.

Джамбул заметил, что Алгадай не спит. Лука улыбнулся. Медленно направляется к изголовью сына, перебирая струны домбры. Начинает что-то шептать по себе, сначала неуверенно, с паузами, потом быстрее наконец, в порыве — нежно и стремительно с шепота переходит на тихое пение.

Алгадай делает вид, что спит. Джамбул поет:

Спят кузнечики в траве,
Рыбки спят в Аму-Дарье,
Тишине глубокой внемля,
Над рекою спит камыш.
Спят цветы, озера, земли...
Отчего же ты не спишь,
Черноглазый мой мальчик?

Алгадай все еще притворяется спящим.

Джамбул громко и задорно спрашивает:

— Хорошо получилось, Алгадай?

— Очень хорошо, ата, — восторженно отвечает мальчик.

Джамбул задумался.

— Нет, плохо, — также задорно и без горечи говорит он... — Не то... Не то!

— А я все знаю, ата, — восклицает Алгадай.

— Что ты знаешь, черный ягненочек? — заинтересовывается Джамбул.

— Вы по ночам берете домбру... А потом шепчете: «не то, не то», — тихо, по секрету говорит мальчик.

Джамбул хитро посмотрел на сына:

— Ты у меня умный, все понимаешь.

— Понимаю, ата!

— Тогда поднимись-ка, сыночек, возьми ту большую книгу, что сегодня принес из школы. Давай вместе читать.

— Вы же не умеете читать!

— Ты будешь читать, а я буду думать, — поясняет Джамбул.

Алгадай встает, приносит книжку. Оба усаживаются у огня.

Быстро перелистывая страницы книги, Алгадай показывает красочную картинку.

— Смотрите.

— Свадьба? — тихо спрашивает Джамбул.

— Нет! — Алгадай, довольный, смеется, машет головой. — Праздник урожая.

Джамбул смотрит на сына со вниманием. И сразу становится серьезным.

— Это новый праздник?

— Да.

— Где происходит этот праздник?

— В крестьянской коммуне.

— И ты мне можешь рассказать про коммуны?

— Еще бы! — говорит сын и опять быстро листает страницы. Показывает следующую картинку.

Джамбул вглядывается в нее:

— Школа!

— Не угадали, — обрадованно говорит Алгадай. — Детский дом.

— Что это-за дом?

— Сейчас расскажу, — с удовольствием отвечает мальчик. — Вы все со своими стариками говорите. Лучше с нами, с молодыми, поговорите, ата.

Тесно прижавшись друг к другу, склонились над книгой мальчик и старик.

— Понимаете, ата, есть ясли, — объясняет Алгадай, — это детские сады для маленьких. И есть детдом, сокращенно — детский дом...

Джамбул внимательно смотрит в книгу.

Черноглазые малыши в столовой детдома с аппетитом завтракают.

По столовой пробегает взволнованная девочка с кошечками, в казахской шапочке с перьями — Алма. Она подбегает к женщине с пачкой тетрадей в руках — заведующей детдомом, в которой мы узнаем Анну, и торпливо, захлебываясь, говорит:

— К нам приехал Джамбул!..

— Джамбул? — удивленно переспрашивает Анна.

— Да! — горячо подтверждает Алма. — Я его сразу узнала. Мне рассказывала о Джамбуле моя бабушка Салтанат..

Анна идет к двери.

Там она встречается с входящим в помещение Джамбулом. Он окружен детьми, которые смотрят на акына с любопытством и интересом.

Анна низко кланяется и торжественно говорит:

— Дети, к нам приехал самый лучший акын по имени Джамбул. Он всегда пел о народном горе, выступал против плохих людей...

Джамбул всматривается в Анну, начинает улыбаться. Она продолжает:

— Я слыхала его очень давно, когда еще был царь... Пожалуйста к нам в гости, Джамбул-ата...

Дети хором приветствуют Джамбула. Он подходит к Анне, кладет руку ей на плечо, пристально смотрит и говорит:

— Скажи мне, дочка, не ты ли в шестнадцатом году была учительницей в том селе, где меня держали под стражей?

— Я, Джамбул-ата, — подтверждает Анна.

— Мне рассказали, как ты помогла мне, — с чувством говорит Джамбул. — Спасибо, дочка!

Старик поцеловал Анну в голову.

Джамбул осматривается. Идет по комнатам дома. Анна и дети сопровождают его. Проходят класс с маленькими партами, спальню, комнату игр. Старик все внимательно осматривает, трогает кровати, парты, качает головой, восхищенно восклицает:

— Ай, ай, ай!.. А ведь много тратите денег. — Огляделся и добавил: — Ничего, не жалко... Хорошо!

Задумался и тихо, как бы вспоминая, говорит, ни к кому не обращаясь:

— Я родился у горы Джамбул. Зимой, в пургу, на лютom морозе мать занесло снегом... Отец мне дал имя этой горы... Вырос в юрте. Спал на земле, на ветру и морозе. Дети наши не поверят этому, как страшной сказке...

Группа ребят во главе с Алмой подходит к Джамбулу.

Девочка говорит:

— Товарищ акын, пионербюро просит вас выступить перед детским коллективом.

Но Джамбул словно не слышит девочки, смотрит на нее пристально и удивленно:

— Как зовут эту девочку? — тихо обращается он к Анне.

— Алма, — отвечает заведующая.

Джамбул внимательно смотрит на Алму. Нестройный хор детских голосов просит:

— Спойте нам, товарищ акын!

— Спойте, Джамбул-ата!

Не отрывая глаз от Алмы, Джамбул говорит:

— Я не захватил с собой домбры.

— Вот домбра! Вот домбра! — Дети показывают на рояль. Обступив Джамбула, ведут его к инструменту.

Джамбул сел за рояль. Он впервые видит такой инструмент. Восхищенное изумление. Тронул клавиши, мелодично зазвучали струны.

— Это неглупый человек придумал, — говорит старик детям, — но мне не годится.

— Почему? Почему?

— Какого же надо мне коня, чтобы возить такую домбру?

Алма снова привлекает внимание Джамбула. Он обнял ее, ласково гладит по волосам:

— Салтанат...

— Я не Салтанат, Джамбул-ата, — бойко говорит девочка. — Я Алма, это мои друзья, — она показывает на стоящих рядом двух мальчиков и русскую девочку. — Галя, Айдар, Мурат... А я Алма.

— Знаю, знаю, моя козочка, — грустно улыбаясь, говорит Джамбул. — Но ты очень похожа на нее... на мою Салтанат.

— Салтанат звали мою бабушку, — поясняет Алма.

Джамбул взволнован. Сдерживая волнение, он спрашивает:

— А как звали твою мать?

— Сайра, — отвечает Алма. — Она умерла давно. Я осталась сиротой...

Джамбул потрясен, прижимая к груди Алму, с трудом сдерживает слезы. Анна тихо спрашивает:

— Что с вами, Джамбул-ата?

— Судьба мне послала звездочку моей юности, — с грустной улыбкой шепотом отвечает Джамбул. — Я нашел внучку моей Салтанат. Теперь она не будет сиротой...

Дети, не понимая происходящего, теребят Джамбула:

— Спойте нам, Джамбул-ата!

— Про себя спойте!

— Про себя? — говорит Джамбул, и лицо его становится задумчивым. Дети в молчании ждут. Джамбул тихо начинает стихотворную импровизацию:

Помню я горькие дни в пустырях,
Не было теплой зари Октября.
Баи лишили Джамбула домбры
И, как иссохшее русло реки,
Песня была... потемнели лады...

Глаза Джамбула горят вдохновением. Слова, образы, рифмы рождаются все быстрее и делаются все более пламенными.

Затаив дыхание, малыши слушают Джамбула. Он продолжает:

Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды...
Грозами грянул, кострами сверкнул
Грозный Октябрь, и старый Джамбул
Солнце увидел. В солнечный стан
Ленин великий повел караван!

Джамбул кончил. Дети, захваченные стихами, тихо повторяют:

— Ленин великий повел караван...

Джамбул крепко обнял ребят, прижал их к себе. С волнением и радостью говорит им:

— Алма, Айдар, Галя, Мурат, детки мои, радость моя, вы не знаете, какой сегодня у Джамбула счастливый день! Ко мне вернулся дар акына! Теперь буду жить и петь до ста лет!

Древний камень с арабскими письменами у возвышенности, где стояла юрта Суюмбая. Гладкое, асфальтированное шоссе с телеграфными столбами, фермами электропередачи. Непрерывный поток автомашин, велосипедов, мотоциклов. Щиты с указанием километража, населенных пунктов, перекрестков, поворотов... Колонны колхозных автомашин, украшенные знаменами и плакатами, везут хлеб. На машинах колхозники, много молодежи.

По шоссе бежит «газик».

В машине два молодых казаха: шофер и поэт НаDIR. Шофер принадлежит к лихим автомобилистам, поэт — к застенчивым молодым людям.

«Газик» резко тормозит около встречного конника — молодого человека с живым, энергичным лицом.

— Эй, друг, где поворот к аулу?

— Третий направо.

— Не знаете, Джамбул-ата дома?

— Нету.

— Где же он?

— Везде, — улыбаясь, говорит конник.

Недоумение. Всадник объясняет:

— Я Алгадай, сын Джамбула. Уезжая, он сказал: «Хочу побывать везде».

Поэт растерялся:

— Я имею срочное поручение от правительства республики. Джамбул нужен по важнейшему делу! Как его разыскать?

Алгадай советует:

— Гоните в наше коневодство. Старик хотел побывать там. Торопитесь. Это недалеко. Километров шестьдесят.

Шофер сдвинул фуражку на глаза и свистнул. Надир быстро садится на место.

— Спасибо, товарищ! Кудаиберды, поехали.

Шофер хмуро берется за руль. Дает газ. Машина помчалась по дороге.

Кабинет секретаря ЦК компартии Казахстана. У стола Баранбаев и Василий Григорьевич, второй секретарь. В этом человеке со спокойным лицом, ясным взглядом и поседевшими волосами нелегко узнать бывшего солдата Василия.

— Я много слышал о Джамбуле, — говорит Василий Григорьевич, — но, к сожалению, давно не встречался с ним. Где он сейчас?

Баранбаев разводит руками:

— Везде. Этот девяностолетний старик — легендарная личность. Дома его нет. Уехал и сказал, что хочет побывать везде...

— Надо как можно скорее найти Джамбула. Он очень нужен, — говорит Василий Григорьевич.

— Я свяжусь с районами, — отвечает Баранбаев и идет к телефону.

«Газик» мчится по горной дороге. Шофер и Надир покрыты густым слоем пыли. Машина проезжает мимо горного пастбища.

Перед нами разворачивается панорама усадьбы первоклассного животноводческого хозяйства.

Огромные отары овец, косяки коней. Женщины в белых халатах подносят к десяткам сверкающих сепараторов ведра с молоком. Ряды электрических машинюк для стрижки овец.

Красные юрты с лозунгами, патефонами, радиоприемниками. Откуда-то доносится песня колхозников.

«Газик» останавливается около юрты с радиомачтой. Радист передает очередную сводку. Надир у юрты встречается с подростком.

— Мне нужен товарищ Майбасар, — торопливо говорит Надир, — у него должен быть акын Джамбул.

Юноша отвечает со значительностью:

— Майбасар занят. Он учит молодых чабанов. — Заглядывает в юрту и вдруг вежливо добавляет: — Извините, товарищ, Майбасар уже кончил занятия. Сейчас учит конский доктор. Я скажу Майбасару, — скрывается в юрте.

Надир стряхивает пыль. Она поднимается над ним тучей. Шофер с мрачным видом обследует покрышки.

Из юрты выходит чабан. Это тот человек, который волнением слушал в зимовье Джамбула «Декларации прав народов России».

На плечи Майбасара накинут белый бараний тулук. Из-за борта тулука виден на груди орден Ленина.

— Джамбул, — говорит чабан, — это мой старый друг, хотя я и гожусь ему в сыновья. Но ты опоздал парень. Он ночевал у меня третьего дня и уехал. Скажешь: «Я хочу видеть новую жизнь моего народа. Годы уходят».

— Куда он уехал? — в отчаянии восклицает Надир.

— Туда... — показывает Майбасар в сторону гор. — За перевал.

Шофер надвинул кепку и свистнул.

Баранбаев держит телефонную трубку:

— Где Джамбул?

Секретарь райкома одного из районов Казахстана говорит в трубку:

— Он проехал, товарищ Баранбаев, западной частью нашего района. Здесь приехали товарищи, которые беседовали с ним...

Секретарь райкома показывает на сидящих рядом с ним людей.

Один из присутствующих весело говорит:

— Замучил нас старик! Во все вникает, за каждый промах взыскивает! Беда!

Баранбаев услышал, смеется:

— Это хорошо, что замучил. Но надо найти его, свяжитесь с соседними районами, колхозами.

Вечер. Заход солнца.

Машина едет мимо гигантского строительства. Высокие металлические конструкции, прорезаемые огненными вспышками электросварки. Из радиатора «газика» столбом бьет струя пара.

Молодые парни и девушки, русские и казахи, на огромной высоте работают на электросварке. Вспышки пламени озаряют лица.

Под конструкцией около машины стоят Надир и несколько строителей.

— Да, был у нас этот старый певец, — говорит человек в кожаной куртке, видимо начальник стройки. — Удивительный старик. Он обошел со мной всю площадь строительства.

— Но куда он от вас направился? — восклицает расстроенный Надир.

— Может быть, знает мой заместитель. Они земляки с Джамбулом. — Начальник оборачивается к молодому казаху с чертежами в руках.

Тот говорит:

— Я советовал Джамбулу возвратиться домой. Не в девяносто лет предпринимать такое путешествие верхом

на коне. — Заместитель улыбнулся, развел руками. — Но он мне сказал: «Я подумую, подумую». Вот и ищи его!

По степной дороге безмятежно рысцой едет на кон Джамбул. У седла приторочены переметные сумы, дом бра. Палит солнце.

Джамбул держит над головой черный дождевой зонтик. Вокруг на полях работают тракторы и сеялки.

Джамбула встречают радостный Касым и члены колхоза.

— Драгоценный мой! — говорит Касым. — Вы явились на наши поля. На коне, в такие годы?

Джамбул отмахнулся.

— Подожди... — С жадным интересом смотрит на работающие машины, на молодежь, управляющую ими.

Касым с гордостью говорит:

— Теперь в наших руках машины. Посмотрите, ата как научилась обрабатывать землю наша молодежь. В наше время мы и не мечтали обо всем этом.

Джамбул строго смотрит на Касыма:

— Не в пустыне живу. Вижу все. А вот был я, Касым, в колхозе «Амангельды». Куда тебе до них! Отстал ты, председатель! Отстал, Касым! — И Джамбул грозит пальцем Касыму.

Тот покорно слушает старика, робко говорит:

— Вы погостите у нас, ата, отдохните.

— Нет, — отвечает Джамбул. — Я тороплюсь. Надо проведать моих земляков, наших батыров-воинов. Посмотрю, как они служат народу.

Джамбул в окружении командиров и бойцов казахской воинской части. Гремит военная музыка.

— Вы успели как раз к празднику, — говорит до-

вольный приездом акына командир. — Сейчас начнется состязания наших лучших конников.

На старте выстроились участники соревнования по скачкам. Удар гонга, взмах флажка, и конники помчались по степи.

Джамбул загоревшимися глазами следит за скачкой.

Перегоняя один другого, мчатся лихие воины.

Все больше и больше горячась, Джамбул, не отрываясь, смотрит на скачущих. Подбадривает их возгласами.

Конники мчатся мимо Джамбула. Скачка делается все более и более напряженной. Земляки Джамбула отстают.

Джамбул выкрикивает их имена, подгоняет, входит в азарт, непрерывно дергает поводья своего коня. Тот начинает гарцевать, горячиться.

Преодолевая препятствия, конники мчатся по кругу. Земляки Джамбула попрежнему отстают.

— Разве так скачут? — кричит им сердито Джамбул и не в силах устоять на месте, хлестнув своего коня, мчится вперед.

Догоняет земляков.

— Разве так скачут? — гневно кричит Джамбул и нахлестывает своего коня.

Бешеная скачка. Джамбул обгоняет земляков, приближается к лидерам соревнований.

Командиры и бойцы с восхищением следят за Джамбулом.

Вот он поровнялся с передним всадником, идет вровень.

Изумление зрителей. Возгласы одобрения и глубокого уважения:

— Джамбул на коне, как птица в небе!

Джамбул идет вровень с молодым конником, не отстает от него. Удар гонга, взмах флажков.

Войны окружают Джамбула. Тысячи рук тянутся к нему с дружескими рукопожатиями...

Высокогорная дорога. Скалы, снежные вершины. Закат. На обочине дороги силуэт машины. Свет фар. Надир понуро сидит на траве. Шофер многозначительно поглядывает на него и, посвистывая, накачивает покрышки.

Надир, подперев запыленную голову, говорит:

— Не знаю, где его искать! Вернемся в Алма-Ату.

Шофер молчит, невозмутимо качает насос.

Вдруг доносится песня акына — молодой, сочный голос. Ему отвечает другой акын.

Надир прислушивается, всматривается вдаль.

Оттуда слышен попеременно голос то одного, то другого акына, как на айтысе.

Надир вскакивает, кричит:

— Кудайберды, поехали!

— Куда, товарищ Надир? — спрашивает шофер.

— Туда, — указывает поэт в сторону гор. — Джамбул там.

Шофер с подозрением смотрит на возбужденного Надира. Покачал головой, вздохнул, свистнул, сел за руль. Машина помчалась по дороге.

На фоне замечательной по красоте гряды снежных гор стоит легкая веранда, вся в воздушных арках — клуб животноводов.

На веранде и вокруг нее множество людей. Чабаны, животноводы, колхозники.

На возвышении сидят полукругом акыны с домбрами.

В центре на почетном месте Джамбул. Акыны соревнуются между собой. Айтыс ведут двое — один с домброй, другой с гармошкой.

Среди зрителей появляется запыленный, запыхавшийся Надир. Остановился, смотрит.

Поет акын с домброй.

Поет акын с гармошкой.

Окончив айтыс, они спрашивают Джамбула:

— Акын-ата, оцените наш айтыс.

— Как мы поем, Джамбул-ата?

Джамбул хмурится:

— Ничего, с умением поете, и голоса неплохие... Но я недоволен вами.

Акыны поражены:

— Почему, Джамбул-ата?

Джамбул, сосредоточенный и серьезный, поднимает голову и, сверкнув глазами, произносит:

Акын вдохновенный и славный лишь тот,
Кто песню делает и любит народ,
Чью песню делает родная страна,
Чью песню, как знамя, поднимет она!

Зрители горячо принимают экспромт Джамбула:

Надир пробирается через ряды зрителей, подходит к Джамбулу:

— Товарищ Джамбул!

Джамбул строго посмотрел на юношу:

— Садись, не мешай.

Надир делает попытку заговорить с акыном:

— Товарищ Джамбул. Я...

Джамбул начинает сердиться:

— Помолчи. Садись, не мешай!

Надир отходит.

Перебирая струны своей домбры, Джамбул задумчиво говорит:

— Я побывал везде: в колхозах, на стройке, у наших батиров... И со мной говорил Сталин.

Надир, пораженный, вскакивает:

— Как? Вы видели товарища Сталина?

— Э, ты не понимаешь! Садись, не мешай! За великих людей говорят их дела... Там, где я был, я увидел великий ум Сталина и понял его золотое сердце. Как возвысился мой народ!

Джамбул встает, поет песню:

На восток и на юг земля,
И на запад, на север земля.
Вся колхозная, вся моя!
Кто принес это счастье нам,
К Зайлийским белым горам?
Я старейший Джамбул-жирши
Восклицаю от всей души:
Для казаха в любой колхоз
Это счастье Сталин принес!

Шумное одобрение, аплодисменты всех присутствующих.

Один из зрителей, русский, спрашивает Надира:

— О чем пел Джамбул?

Надир, который записал песню, читает ее перевод. Потом подходит к Джамбулу:

— Товарищ Джамбул, я...

Джамбул возмущен настойчивостью юноши:

— Что тебе нужно? Кто ты такой?

— Я молодой поэт. Начинающий. Я приехал...

— А, ты певец? Спой свою песню.

Джамбул протягивает Надиру домбру.

Надир смущен:

— Джамбул-ата, я не пою. Понимаете ли, мы пишем... Мы сразу не можем, как вы!..

— Ах, не можешь? — с досадой говорит Джамбул. — Тогда садись, не мешай.

Надир в отчаянии восклицает:

— Джамбул-ата, вас ждут в Алма-Ате. Я приехал за вами.

— Что там случилось? Или для меня нашлась старая вдова? — шутливо говорит старик.

— Нет! — отвечает Надир. — Вас просит срочно приехать наше правительство!

Джамбул, пораженный, серьезно смотрит на юношу.

И вот Джамбул и Надир мчатся по улицам Алматы. Джамбул рядом с водителем, за которым он следит с интересом и удовольствием. Неизменный зонтик попрежнему защищает Джамбула от солнца.

Машина останавливается у здания оперного театра.

Надир и Джамбул входят в подъезд. Проходят в зрительный зал оперного театра.

На сцене опера «Кыз-Жибек».

Джамбул в полутьме усаживается в кресло. Не отрываясь, смотрит на сцену.

— Я никогда еще не был в таком поющем доме, — взволнованно говорит Джамбул.

В среднем проходе зала — стол, за которым сидит правительственная комиссия во главе с Василием Григорьевичем.

Надир подошел к столу. Шепчет что-то Василию Григорьевичу.

Тот, довольный, кивает головой, поворачивается в сторону Джамбула.

На сцене танец подруг.

Джамбул с восхищением смотрит на сцену. Невольно отбивает рукой такт.

Финал картины. Арию исполняет девушка, разительно похожая на Салтанат. Это Алма исполняет главную роль.

Джамбул встает, подается вперед.

— Салтанат... — шепчет старик. — Алма!..

Заключительная сцена оперы. В зале зажигается свет.

Василий Григорьевич встает:

— Товарищи, среди нас находится старейший и первый из лучших акынов Казахстана — Джамбул!

Мгновение тишины, потом овация. Аплодируют члены комиссии, артисты.

Актеры окружили Джамбула. Он обнимает Алму, восхищением глядит на нее.

— Салтанат, Алма моя... Ай, как хорошо, дочка, как хорошо...

В это время в зале раздается тихий напев «Есть и Волге утес...» Джамбул встрепнулся. Ищет того, кто поет песню.

Видит Василия. Глядя на Джамбула, тот напевает песню, которую они вместе пели в тюрьме.

Джамбул провел рукой по глазам. Смотрит на Василия, медленно идет к нему.

Подходит вплотную к Василию. Вглядывается в него, протягивает дрожащие руки:

— Ты ли это?

— Я, ата.

— Русский солдат?

— Он самый.

Джамбул радостно восклицает:

— Золотой мой, сокол мой!

Обнял Василия, целует его.

К Джамбулу подходит Надир. Акын оборачивается ему, спрашивает:

— Ты сказал, что меня пригласило правительство. Где же оно?

Надир, посмеиваясь, отвечает:

— В ваших объятиях, ата...

Джамбул, удивленный, смотрит на Василия. Улыбки окружающих. Старик смущен. Небольно снимает руку с плеча Василия. Тот в свою очередь обнимает Джамбула.

— Мы рады видеть вас, ата, и просим поехать на декаду казахского искусства. Ваши песни услышит Москва...

Джамбул потрясен.

Он устремляет просветленный взгляд поверх людей, словно видит далекий город, владеющий его воображением, видит просторы Родины. Пальцы Джамбула легли на струны.

— Давно в душе моей горит одна новая песня, — говорит он проникновенно. — Я спою ее моей Москве, моей Родине.

Мириады искр летят из паровоза. Специальный состав мчится среди спящих селений и темных полей.

Купе вагона. Лицо Джамбула. Он спит. Под мерный стук колес поезда слышен голос:

С родною домброй по степям я пойду,
Сокровище слов в народе найду.
И песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.

Это голос товарища Сталина. Иосиф Виссарионович читает рукопись со стихами Джамбула. Подходит к телефону, берет трубку.

— Товарищи из Казахстана, — говорит товарищ Сталин, — рассказали мне о своем знаменитом девяностолетнем певце, который через несколько дней должен приехать в Москву на декаду казахского искусства. Я прошу редакцию «Правды» очень внимательно изучить его песни.

Пауза.

Товарищ Сталин слушает, потом говорит:

— Имя его Джамбул.

Джамбул в сопровождении Надира выходит на Красную площадь. Остановился. Глубокий вздох.

— Москва... Кремль... Ленин... Сталин... — шепчет волнением старик.

Бьют часы кремлевской башни. Мерные, гулкие удары. Бесконечная вереница людей протянулась к ленинскому мавзолею.

Джамбул подходит к очереди. Люди смотрят на акына. Маленький пионер говорит:

— Дедушка Джамбул, вы идите вперед...

Джамбул удивленно посмотрел, проходит вперед, спрашивает Надира:

— Как мог узнать меня малыш?

Надир пожимает плечами.

Джамбул идет дальше. Люди, стоящие в очереди почтительно говорят:

— Товарищ Джамбул, пожалуйста, проходите...

Еще больше удивление Джамбула. Взгляд на Надира. Тот тоже удивлен. Джамбул, приложив руки к сердцу, кланяется, проходит вперед.

Джамбул подходит к мавзолею, склоняет голову.

Глаза его закрыты. Губы сжаты.

Пришел я к тебе из далеких степей,
Пришел к тебе в мраморный мавзолей,
Бессмертный, родной, любимый...
Не умер ты, не лежишь в гробу!
С живым с тобой говорит Джамбул
И в сердце несет твоё имя, —

прошпикновенно звучит голос Джамбула.

Движется очередь в мавзолей. Здесь и старики, и молодежь, и школьники, и пионеры.

Среди людей, идущих к Ленину, мы видим посланцев Грузии, Азербайджана, Украины, Армении, Молдавии, Прибалтики. Яркие своеобразные национальные костюмы выделяют этих людей из остальной массы.

Джамбул произносит:

В завещанье оставляю я им,
Правнукам, внукам и детям своим,
Чтоб такими, как ты, они стали,
И отдали сердце и каждый свой шаг
Тому, в ком пылает твоя душа,
Тому, чье имя Сталин!

Джамбул склоняется перед мавзолеем в глубоком поклоне. Вынимает большой, в узорах восточного шитья платок, смахивает пыль с сапог. Медленно входит в мавзолей.

Величественный, гранитный монумент Ленина с устремленной вперед рукой.

Катер, в котором сидят Джамбул и Надир, огибает монумент Ленина. Джамбул жадно всматривается в облик великого города.

Катер проходит мимо Кремля.

Машина Джамбула проезжает по новым районам столицы. Замечательные здания, шумные, оживленные улицы.

Джамбул восхищенно шепчет:

Москва моя, красавица веков,
Орлиная скала большевиков!

Из проходящей толпы несется возглас:

— Привет Джамбулу, славному певцу казахских степей!

Джамбул в полном недоумении:

— Откуда все они могут знать меня? — спрашивает он у Надира.

Раннее, раннее утро... В коридоре гостиницы около двери в номер группа молодых казахов, среди них Айдар, Галя, Мурат. Они смотрят на часы, терпеливо ждут.

Номер Джамбула. Широкие стеклянные двери на балкон, откуда видна Москва, Кремлевские башни. Весь номер уставлен корзинами с цветами. Джамбул один. С недовольным и озабоченным видом он ходит в ванную комнату и обратно и поливает цветы. Сердится, бормочет что-то, пересчитывает политые цветы, глядит, сколько еще осталось, и, еще более сердясь, продолжает поливку.

Напеваает про себя какой-то мотив. Вдруг ставит графин на пол, берет домбру и, аккомпанируя себе, что-то тихо напеваает. Потом мы узнаем этот мотив в «Песне о Родине».

— Так, так... — одобряет себя старик.

Молодежь в коридоре прислушивается к звукам домбры.

Подбегает Алма:

— Что же вы стоите?

Молодые люди тихо и смущенно отвечают:

— Не решаемся.

— Еще очень рано...

Джамбул снова ходит с графином. Полить предстоит еще целый ряд корзин. Старик фыркает, сердится.

Стук в дверь. Появляется Алма, за ней робко входят молодые люди.

— Айдар, Галя, Мурат! — восклицает обрадованный Джамбул. Идет навстречу. Но вдруг лицо его делается сердитым, старик останавливается, машет руками, кричит: — Что?.. Довольно! Я убегу домой!

Он видит, как в комнату вносят две огромные корзины цветов.

Молодые люди смущены.

Но Алма, смеясь, говорит:

— Ата, потерпите, ведь вы очень знаменитый человек.

Цветы проносят в комнату. Джамбул добреет, обнимает ребят:

— Дети мои, радость моя, вот мы и встретились.

Замечает у одного из юношей газету «Правда». В ней напечатан большой портрет Джамбула.

Джамбул смотрит на свой портрет. Улыбается.

— Много ли напечатано таких листов, дети? — спрашивает старик.

— Несколько миллионов, — отвечают ему.

Джамбул, показывая на портрет в газете, с лукавой шутливостью спрашивает:

— А этот старик казах похож на меня?

— Очень похож.

— Ну, да, — улыбаясь, шутит Джамбул, — я бы тоже узнал его по портрету. Так же как и люди на площади. — Он задорно щелкает пальцем по газете и восклицает: — Здравствуй, москвич Джамбул!

Молодежь окружила Джамбула. Он оглядел ребят и строго говорит:

— Отвечайте, как вы живете в Москве?

— Я поступил в академию, — говорит Айдар, на котором военная форма.

— В академию. Ай, ай, ай, — радуется Джамбул и идет к другим.

— Я скоро вернусь в Казахстан с дипломом врача, — говорит Галя.

— Ай, ай, ай, — восхищается старик, подходя к Мурату.

— Он остается в Москве аспирантом, — говорит Галя, указывая на Мурата.

— Аспирантом? — изумляется Джамбул. — Ай, ай, ай... — поворачивается к Алме и шепотом спрашивает ее: — А что такое аспирант?

— Ученый.

Джамбул прищурился и с лукавством спрашивает:

— А я могу остаться в Москве аспирантом?

— Можете, ата, — улыбаясь, отвечают ему.

— Почему?

— Потому, Джамбул-ата, что вы в своем роде тоже ученый. Вы так много знаете...

Джамбул покосился, задумался, взял домбру. Смотря на башни Кремля, наигрывает мотив.

Потом, подозвав к себе ребят, спрашивает их:

— Скажите, дети, а товарища Сталина видели вы здесь в Москве?

— Конечно... Не раз, на праздниках, — отвечает несколько голосов.

Джамбул еще ближе подзывает к себе ребят, понизив голос, задает вопрос:

— А я увижу его?

Айдар тактично отвечает:

— Заранее это трудно сказать, Джамбул-ата.

— Мне очень хочется его повидать... — с чувством произносит Джамбул.

В этот момент раздается бой часов на Красной площади.

Джамбул с домброй в руках медленно идет к балкону.

Взволнованно слушает перезвон курантов, смотрит на Москву, на башни Кремля.

Ранние лучи солнца освещают столицу, Кремль, лица Джамбула и молодых казахов-студентов.

— Москва, Кремль... — шепчет Джамбул и смотрит на звезду башни, загоревшуюся на солнце. Аккомпанирует на домбре бою кремлевских часов...

Товарищ Сталин с мягкой улыбкой смотрит в глубь Георгиевского зала Кремля. День казахской декады в Москве. За столами знатные люди столицы, казахские писатели, артисты. За большим столом члены Политбюро и правительства товарищи Сталин, Молотов,

Ворошилов, Калинин, Берия, Маленков, Жданов, Микоян, Орджоникидзе.

Сталин стоит, смотрит в зал, жестом приглашает кого-то.

Музыка играет туш.

Джамбул идет по залу, одетый в шелковый халат и лисью шапку. Его глаза сияют безмерным счастьем.

Через весь зал Джамбул идет к столу правительства. По мере его прохода люди встают, аплодируют.

Сталин делает несколько шагов навстречу Джамбулу.

Идет Джамбул, в руках у него домбра.

Люди стоя приветствуют великого акына.

Джамбул подходит к столу правительства.

Сталин поднимает бокал. Воцаряется тишина. Сталин провозглашает:

— За здоровье Джамбула, великого певца казахского народа и всех народов нашей Родины!

Овация зала. Джамбул в волнении прижимает руки к груди и говорит, обращаясь к товарищу Сталину:

За радушный, отцовский прием в Кремле,
Сталин, солнце народов, спасибо тебе!

Взяв в руки домбру, Джамбул начинает свою знаменитую «Песню о Родине»:

Джамбулу сейчас девяносто лет.
Но крепко Джамбул сидит в седле.
Смотрите — моя голова седе,
Смотрите — бела моя борода,
На сердце оставили черный след
Семьдесят горьких лет...

Весь зал внимает песне Джамбула.

Когда перешло мне за семьдесят лет,
Ленин, Сталин открыли мне свет.
Тогда над степями, ярко горя,
Взошла моего народа заря!

Оркестр подхватывает песню Джамбула. И вот она начинается звучать, как симфония.

Джамбул вдохновенно поет:

Сталин! Ты светоч моей души.
Сталин! Сравнений не знает жирши.
С горами хотел тебя я сравнить —
Не мог я с горами тебя сравнить:
У каждой горы вершина видна!
И с солнцем хотел тебя я сравнить —
И с солнцем не мог тебя я сравнить:
Может оно порой изменить.
Сталин! Сравнений не знает старик.
Сталин, как вечный огонь, горит!

Участники декады мощным хором вступают в песню:

И вот над степями, ярко горя,
Взошла моего народа заря!
Верных коней казахи седлали,
На гребнях они костры зажигали,
Чтоб родная Москва увидала,
Как по горам, долинам, увалам
Степь выходила к бунтарским гошцам.
С именем Ленина бились сердца!
С именем Сталина жизнь зацвела!

Товарищ Сталин, руководители партии и правительства слушают песню казахского народа...

Сцена театра в Алма-Ате украшена знаменами, цветами, портретами вождей. В центре герб Казахской ССР. На трибуне Джамбул. На его груди два ордена. Перед Джамбулом делегация пионеров. Гремят аплодисменты всего зала.

Дети подносят Джамбулу цветы.

Маленькая черноглазая пионерка говорит:

— В честь открытия первой сессии Верховного Совета Казахской ССР пионеры и школьники Казахстана из-

брали старейшего депутата, нашего дорогого дедушку Джамбула...

Девочка, смутившись, зашулась.

Джамбул с интересом смотрит на девочку, не может сдержать ласковой улыбки:

— Скажи, козочка, куда вы меня избрали?

Девочка, смущенная, пытается овладеть собой:

— Все наши пионеры избрали вас...

Девочка опять запинается и, наконец, объявляет:

— Мы избрали вас почетным пионером!

В зале вспыхивают аплодисменты, веселый смех делегатов.

Джамбул от неожиданности не знает, что сказать. Мальчик пионер достает красный галстук и, подойдя к Джамбулу, повязывает ему галстук на шею.

Джамбул, с удовольствием подчиняясь этой церемонии, шуточно говорит:

— Вам, детки, виднее... Мне казалось, что я еще не дорос до юных пионеров.

Галстук завязан, оправлен.

Заложив руки за спину, мальчик отходит, становится в ряды пионеров. И тогда по невидимой команде раздается хор детских голосов:

— В борьбе за дело Ленина — Сталина будь готов!

Джамбул смотрит на пионеров, не откликается. В рядах пионеров смущение. Дети переглядываются, недоумевают.

Джамбул молчит. Закрыв глаза. Потом тихо, строго, торжественно, как клятву, произносит:

— Всегда готов!

Поднимает домбру, проникновенно, нараспев, под перебор струн поет:

Я знаю и верю, мой радостный внук,
В халат из цветов и из славы одетый,
Откроет парламент народов планеты...

Делегаты сессии стоя слушают Джамбула:

Который поднимет над всеми веками,
Над полюсами, над материками,
Как песню, как сердца бессмертного знамя,
Ленина знамя, Сталина знамя!

По улицам Алма-Аты движется маршевая воинская часть. Бойцы в касках, в полном боевом снаряжении. Конники, пехота, авточасти. Уходящих на фронт бойцов провожают толпы народа — отцы, матери, жены, дети, сестры, братья... Слышны напутственные возгласы, призывы к победе над немецким фашизмом, к скорейшему разгрому вероломного врага.

По радио передают сводки с фронтов.

Войсковая колонна выходит на привокзальную площадь. На путях стоят эшелоны, приготовленные для уходящих на фронт бойцов. Дымят паровозы.

На площади среди готовящихся к погрузке воинов — Айдар, Галя, Мурат. Все одеты в военную форму. Рядом с Джамбулом Алгадай в звании сержанта.

— Алгадай... Золотой жигит мой! — с печалью и нежностью говорит Джамбул. — Всюду, всегда помни об отце.

— Могу ли забыть вас, ата, — отвечает Алгадай.

Старик, сдерживая волнение, говорит ему:

— Помни, что твой отец царя не боялся, черта не боялся, казахских баев не боялся...

Алгадай старается вникнуть в смысл отцовских слов.

— Зачем вы мне говорите это, ата?

— Другу моему говорю, лучшему другу... Я отрываю от сердца сына.

Обнял Алгадая. Крепко прижал к сердцу. Целует. Раз, другой, третий...

— Лети, мой сокол, лети...

В разных местах площади прощаются родные с бойцами.

Джамбул обнял Алгадая, устремив вдаль пылающий взгляд, говорит взволнованно:

Сын мой, тверже будь, чем гранит,
Будет вдребезги враг разбит!
Бей врага, мой сын, бей врага,
Это Сталин тебе велит!

Лицо Джамбула становится вдохновенным. Руки невольно тянутся к домбре:

Чтобы выстоять, чтобы не сдать,
Можно, сын мой, каменным стать!
В сталь и железо себя обратить,
Чтоб от Родины смерть отразить.

Прозвучали трубы горнистов. Слышны военные команды.

Войска на площади строятся в колонны. Бойцы покидают своих родных, занимают места в шеренгах. Встали в строй Айдар, Галя, Мурат. Сверкают каски, штыки, реют знамена. И вот над площадью звучит песня Джамбула:

Сталин зовет нас в труде и бою
Биться с врагом за отчизну свою.
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!

Вдохновенно поет Джамбул:

Край мой любимый, родной Казахстан,
Весь поднимайся на вражеский стап!
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!
Все, что лучшего в мире есть, —
Дружный труд, свободу и честь,
Все, что создано на века, —
Защищают наши войска!
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным песня моя!

Оркестры подхватывают песню Джамбула.

Народ, провожающий войска, могучим хором повторяет слова своего акына.

Поют мужчины, женщины, подростки. Дети на руках матерей машут отцам ручонками.

А над воинами реют знамена с изображениями Ленина и Сталина.

Осень. Гнутся под ветром оголенные деревья. Желтые листья кружат в воздухе вокруг нового дома Джамбула, выстроенного рядом с прежней юртой акына.

Слышна строгая, величавая песня.

У окна, за которым виден осенний сад, около радиоприемника сидят Джамбул и Баранбаев. Джамбул внимательно слушает песню. В глубине комнаты секретарь разбирает огромное количество присланных Джамбулу писем.

Баранбаев настраивает приемник. Возникает песня «Месть балтийцев» о героическом Ленинграде. Торжественно-грозная мелодия. Слова призывают к мести врагу.

— Ленинград говорит... — замечает Баранбаев.

Все мощнее звучит песня балтийцев. Джамбул слушает, подавшись вперед.

Подходит секретарь, кладет перед акыном несколько писем:

— Письма из Ленинграда, ата. От балтийцев-казахов... От Айдара... От путиловцев...

Джамбул бережно берет письма. Задумался.

— Там очель тяжело людям, ата, — говорит Баранбаев, — враги окружают город...

— Знаю, знаю, — с болью говорит Джамбул.

— Ата, — советует Баранбаев, — казахский народ хо-

Чет, чтобы Ленинград услышал его голос, услышал слова братской помощи, участия, поддержки.

Джамбул загоревшимися глазами смотрит на собеседников.

— Знаю, знаю, — отвечает Джамбул, берет домбру, трогает струны. Лицо его становится вдохновенным.

Секретарь спешит взять бумагу, карандаш. С огромной сердечной теплотой, тихо и проникновенно Джамбул произносит:

— Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!..

Бежит телеграфная лента. Видны слова:

«Ленинград. Смольный. Товарищу Жданову. Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!»

Девушка телеграфистка читает эти строки. На глазах появляются слезы. Это замечает соседка.

— Что с тобой? — тревожно спрашивает она подругу. Та молчит, сквозь слезы читает движущуюся ленту. Подходят еще девушки.

— Что произошло? Что с тобой?

И со слезами радости телеграфистка, наконец, шепчет:

— Это невозможно выразить. Читайте!..

Девушки склоняются над лентой...

Ленинград. Хмурый осенний рассвет. Ветер. Моросит дождь. По площади едет камуфлированный «виллис». В нем Василий Григорьевич в военной форме с ромбами комбрига и шофер — тот, который ездил искать Джамбула.

Голос из радиорупора:

— Внимание! Говорит Ленинград. Слушайте обращение народного певца Казахстана Джамбула к защитникам города Ленина.

Василий Григорьевич востерпенулся:

— Кудайберды, стой.

Машина резко тормозит. Оба выскакивают из автомобиля.

Радио передает обращение Джамбула:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!
Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи...

Слушают слова Джамбула Василий Григорьевич и Кудайберды.

Выбегают зенитчики из землянки. Слушают, стоя у орудий, установленных в сквере. Внезапно голос диктора, читавшего стихи, прерывается. И тот же голос объявляет:

— Внимание! Граждане, воздушная тревога...

— Эх, — махнул рукой Василий Григорьевич, — будьте прокляты!

Кудайберды сдвинул фуражку и свистнул. Оба садятся в машину.

— На фронт, Кудайберды, на передовую, — говорит Василий Григорьевич, — а по дороге как раз заедем на Кировский завод. Проверим, как выполняются наши заказы.

Площадь Исаакия. Вой воздушной сирены. Шарят прожекторы. Зенитки открывают огонь.

Один из главных цехов завода. Кипит работа. Впережку с обычными светят синие лампочки. Окна закрыты глухими шторами из черной бумаги. По цеху идет

Василий Григорьевич в сопровождении военных и рабочих завода.

Остановился у пролета, где протянуто красное полотнище с лозунгом «Сегодня дадим две нормы!»

Снаружи доносится нарастающий гул канонады, бомбовых разрывов. Один разрыв совсем близко. Звон разбитого стекла.

Воздушная волна взмела и разорвала штору затемнения. Сорвался и затрепетал на ветру лозунг. Но рабочие не оставляют своих станков. Их жужжание продолжается безостановочно. Маленький паренек спокойно подошел к полотнищу, зло посмотрел в сторону разбитого окна, откуда слышна канонада, яростно переписал что-то в надписи и опять поднял на место полотнище.

Василий Григорьевич смотрит. Теперь вместо слов «две нормы» написано «две с половиной».

Комбриг резко повернулся и пошел к выходу. Товарищи, провожающие его, удивленно спрашивают:

— Вы хотели проверить ваши заказы?.. Их делают здесь.

— Нет, товарищи, — говорит Василий Григорьевич, — считаю ненужным проверять.

— Люди хорошо работают, товарищ комбриг, — говорит один из руководителей цехов.

— Больше чем хорошо, — заключает Василий Григорьевич, — больше!

Уходит из цеха.

— Внимание! Говорит радиоузел Кировского завода, — звучит голос из цехового репродуктора. — Слушайте обращение народного певца Казахстана Джамбула.

Рабочие у станков поднимают головы. Голос диктора:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

На усталых лицах появляются улыбки, выражение взволнованного внимания.

Радио на площади объявляет отбой.

По пустынной улице идет высокая старуха с девочкой лет десяти.

— Торопись, Оленька, а то опять начнется тревога.

Девочка обиженно:

— Я тороплюсь, вы отстаете.

— Торопись, торопись... масло объявили.

— Ах, да знаю, бабушка.

Моросит мелкий дождик, ветер рвет платки на старухе и девочке. На фасаде дома четкая надпись: «Опасно! Эта сторона обстреливается».

— Опасно, — говорит девочка, прочтя надпись, — лучше перейдем на ту сторону.

— Везде опасно, — отвечает старуха, — ты торопись, торопись.

Идут дальше.

Вдруг девочка восклицает:

— Бабушка, Джамбул!

— Ах, какой еще Джамбул? Не задерживайся.

— Бабушка, вы погодите. Стихи! — с детским восторгом говорит девочка.

— Оленька, ты глупая, какие тут стихи!.. Масло объявлено. Идем скорее.

Девочка силой удерживает старуху на тротуаре у стены, где наклеивают длинный лист с портретом Джамбула и текстом обращения.

— Нет, вы послушайте: «Ленинградцы, дети мои! Ленинградцы, гордость моя!..» — читает девочка.

— Что?! — изумленная, восклицает старуха. — Повтори, повтори... Только внятно читай.

Девочка начинает читать послание Джамбула.

Машина Василия Григорьевича едет по улице. Остонавливается, задержавшись у того места, где стоят девочка и старуха. Там уже собралось человек двадцать. А девочка громко читает строфы послания:

Русских братьев помнит Джамбул,
Ваших предков помнит он,
Их послали в его аул,
И кандалный он слышал звон...

Все больше людей собирается около листа с посланием. Лица слушающих.

Подходит патруль моряков. Порыв ветра загибает угол плаката. Девочка запнулась. Моряк мгновенно ладонью прижимает лист на место:

— Читай, пионерка, читай. Хорошо читаешь.

Так он держит плакат, пока девочка читает:

Вся страна идет на врага,
Поднимается весь народ.
И не сломит наших побед
Гнет фашистского сапога!

Люди с волнением слушают слова Джамбула. Девочка делает паузу, чтобы передохнуть, и в это время моряк с восхищением; растроганно говорит:

— Дает жизни старик... С какой любовью пишет! Не забудешь.

Старуха не может сдержать слез. Девочка читает заключительные строки:

Беспечален будь, Ленинград!
Скажет Сталин: «В путь!
В Ленинград!»
Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.

Девочка оглядывается на старуху. У нее лицо в слезах.

— Отчего же вы плачете? — спрашивает девочка.

— Глупая... легче на душе стало, — отвечает старуха
Моряк, обернувшись, говорит:

— А ну, солдат, поддержи...

Солдат придерживает ладонью оторвавшийся угол плаката. Морской патруль уходит.

Василий Григорьевич смотрит на портрет Джамбула.

— Большой... да, громадный старик! — с чувством говорит он.

Около плаката множество людей, еще не слышавших обращения. Кто-то громко просит:

— Читайте же вслух... Громче, во весь голос. Сначала!

И под дождем, на ветру, люди теснятся у плаката.

Репродуктор в лесу на дереве. Оборонительный рубеж под Ленинградом. Артиллерийская позиция. Закопченные артиллеристы у орудий. Шарят прожекторы. Вспышки выстрелов. Огненные хвосты снарядов РС.

Ленинградцы, дети мои!

Ленинградцы, гордость моя! —

Гремит репродуктор.

В горячке стрельбы артиллеристы успевают ставить свои подписи на большом листе бумаги. Делают это с нескрываемым удовольствием.

Молодой со строгим лицом комиссар дает листы на подпись, переходя от орудия к орудию.

Подписывает бумагу и командир орудия Айдар. Он делает это с восторгом, сияя от радости.

Грохот канонады заглушает временами слова Джамбула, но они возникают снова и снова:

Вся страна идет на врага,
Поднимается весь народ.
И не сломит наших побед
Гнет фашистского сапога!

Пулеметное гнездо. Подползает комиссар. Солдаты подписывают бумагу.

Тяжелый пулемет. Комиссар подбирается к пулеметчику. Тот оборачивается.

— Джамбулу? — спрашивает он. — Минуточку... — Стреляет. — С удовольствием.

Берет из рук комиссара вечное перо и расписывается.

Траншея. Множество бойцов, готовых к атаке.

По траншее движется лист бумаги. Его подписывают. Один на колене, другой на плече товарища, третий на земляной стенке укрытия.

Снова сквозь грохот огня слышны слова Джамбула.

Среди подписывающихся Мурат.

— Вот какой Джамбул! — восхищается он. — Наш Джамбул!

Раненый с забинтованной рукой говорит:

— Дайте подписать.

— Ты же раненый, — замечает Мурат.

Тот сердится:

— А раненый что? Ты смотри у меня... Давайте.левой подпишу.

В траншее появляется Василий Григорьевич. Он в боевом снаряжении. Бойцы вытягиваются.

— Под чем подписываетесь, товарищи? — спрашивает громко и весело комбриг.

— Посылаем ответ товарищу Джамбулу...

— О-о!.. Дайте и мне. И я подпишусь. — И он ставит свою подпись.

Солнечное утро в доме Джамбула. Сидя у окна, акын задумчиво наигрывает мелодию песни о ленинградцах.

Вбегает взволнованный Надир.

— Что с тобой, сынок? — с оттенком недовольства спрашивает Джамбул.

— Слушайте, ата. Слушайте, что они отвечают вам — Надир читает принесенную телеграмму: — «...Никогда, товарищ Джамбул, не сломит наших побед гнет фашистского сапога...» Вот что они отвечают!

— Кто они?.. — с волнением спрашивает Джамбул.

— Ленинградцы.

Джамбул трепетными руками берет телеграмму, смотрит на нее, обеими руками прижимает к груди...

Весна. Деревья в пышном цвету. Белые лепестки осыпаются с ветвей и медленно падают на землю, напоминающая снегопад.

К юрте Джамбула в горах подъезжает несколько машин.

Из них выходят руководители партии и правительства Казахстана. Среди них Баранбаев, секретарь райкома. Надир идет навстречу приехавшим.

Надир встречается с Алмой, первой подошедшей к нему. Спрашивает:

— Что случилось, Алма? Тут почти все руководители партии и правительства.

— Горе, Надир... Алгадай погиб под Сталинградом.

Надир молчит, ошеломленный. У него падают из рук листки записей. Летят по ветру.

Оживленный Джамбул встречает гостей.

— Какую радостную весть вы принесли мне? Дела на фронте хороши?

Баранбаев, стараясь не встречаться с взглядом Джамбула, отвечает:

— Да, Джамбул-ата. Победа за победой. Враг отступает.

Джамбул весело:

— Значит, я не даром пел о наших героях!

Баранбаев сдерживает волнение, говорит:

— Джамбул-ата...

— Слушаю, мой сын.

— Вы пели замечательные песни о героях нашего отечества. Среди них был ваш Алгадай.

Джамбул кивает головой, горделиво говорит:

— Разве я не знаю? — и достает спрятанную на груди завернутую в шелковый платок вырезку из газеты «Сталинградский воин».

— Вот благодарность командования отважному пулеметчику Алгадаю Джамбулову; — сияя, говорит Джамбул.

Баранбаев отвечает:

— Да, Джамбул-ата, вы правы. Но с того времени Алгадай еще раз участвовал в боях...

— Ну и что же? — насторожившись, спрашивает Джамбул.

— Джамбул-ата. Ваш сын мог быть и среди тех, которые ценой своей жизни...

Баранбаев замолчал.

Джамбул медленно, тихо спрашивает:

— Что ты хочешь сказать, сын мой?

Один из приехавших товарищей достает письмо.

— «Дорогой товарищ Джамбул! — негромко читает он. — Командование, политотдел и весь личный состав Седьмой гвардейской краснознаменной кавалерийской дивизии со скорбью извещает вас о героической гибели вашего сына Алгадая...»

Джамбул сидит, закрыв лицо руками, и долго остается недвижим. Письмо заканчивается словами:

«...За проявленный героизм, мужество и стойкость Алгадай представлен к ордену Красного Знамени».

Товарищ кладет письмо перед Джамбулом. Слезы текут по лицу старика. Он медленно протягивает руку к домбре. Берет ее. Дрожащей рукой трогает струны.

Джамбул начинает первые слова песни. Голос его слышен:

О сыны мои, о сыны!
Свирепые бури кому не страшны?
Тополь до корня качается в горе,
До самого дна волнуется море...

Порыв ветра прошел по саду. Белые лепестки с деревьев плавным дождем падают на землю.

Джамбул медленно-медленно встает. Перед ним усыпанные цветами ветви деревьев, снежные горы, сиреневая даль.

Джамбул стоя продолжает песню:

Седая скала лишь встречает в упор
Неистойвой бури свирепый напор...
Так старый Джамбул духом силен —
Под вестью тяжелой не сломится он!

Услышав Джамбула, чабаны останавливают свои отары, жигиты осаживают коней. Недвижно внимают словам великого акына.

Джамбул поет, стоя над горными просторами:

О сыны мои, о сыны!
Как бьетесь с врагом вы за счастье страны,
Так старый Джамбул, ваш отец, запоет,
И песнями к мести народ поведет!

Столовая в доме Джамбула. Надир и седовласый доктор в белом халате разговаривают с группой молодых казахов. Среди них Мурат.

— Знаю, знаю, молодые люди, — шепотом говорит доктор. — Вы любите Джамбула, он любит вас...

— Мы, молодые писатели и акыны, учимся у него! — также шепотом пытаются убедить доктора молодые люди.

— Тоже знаю, — перебивает их доктор. — Учитесь, советуется, радуете его душу. Сегодня День Победы, вы хотите поздравить его. Все знаю...

— Видеть Джамбула нельзя. Он нездоров, — говорит Надир.

— Болен?!. — взволнованно восклицает Мурат.

— Не болен, а немного нездоров, — поясняет доктор. Молодые люди облегченно замечают:

— Тогда не опасно.

— Нет, молодые люди, вам не опасно, а ему — очень. Вы забываете, что акыну Джамбулу сто лет! Не обижайтесь, друзья, но сегодня я не могу разрешить ему свидание с вами.

Кабинет Джамбула. Множество книг — произведения Джамбула, изданные на разных языках.

Джамбул медленно переходит от стола к столу, рассматривает свои книги.

Перед ним мелькают названия его песен и стихов.

С тихой улыбкой Джамбул листает страницы. Из одной книги выпадает номер «Правды» с портретом Джамбула.

— Здравствуй, москвич Джамбул, — с тихой улыбкой говорит старик.

В комнату входит доктор. Джамбул ворчит:

— Зачем, доктор, пришел ты, старый? Тебе давно пора спать.

— Тебе надо спать, — отвечает доктор. — Ты болен! Джамбул усмехнулся:

— Спать в такое время?.. Нет, старый, я хочу быть с народом, я поеду в Алма-Ату.

Доктор качает головой:

— Ни в коем случае. Я отвечаю за твое здоровье.

Джамбул дружески говорит:

— Не сердись, старый, я буду спать.

Доктор складывает свои инструменты. Идет к выходу. По дороге, прищурив глаза и погрозив Джамбулу, забирает с собой его домбру.

— Я тебя знаю. Ты хитрый... — Уходит.

Джамбул тихо встает с постели, идет к телефону. Осторожно снимает трубку. Не очень ловко прикладывает к уху, оглядывается и шепотом говорит:

— Позовите мне, дочка, колхоз имени Сталина... Позовите председателя Касыма.

В соседней комнате доктор, НаDIR, молодежь. Кто-то говорит:

— Я понимаю акына: сегодня народ празднует День Победы, а он прикован к постели.

— Да, но прожита гигантская жизнь, равная веку! — говорит доктор. Молча кивает НаDIRу, тот идет к двери.

Дверь в комнату Джамбула осторожно приоткрывается, входит НаDIR. Смотрит. Шторы в комнате закрыты. Джамбул лежит на постели. Слышно его спокойное дыхание.

НаDIR постоял секунду, другую и удалился. Джамбул приоткрыл один глаз и проводил секретаря лукавым взглядом.

Немного полежал. Прислушался. Потом сбросил с себя узорчатое одеяло — он лежал, оказывается, в праздничном халате.

Посмотрев на часы, Джамбул подходит к окну и тихо зовет:

— Касым...

Штора окна колеблется, открывается. Прокладывается Касым, за ним Айдар, Алма, Галя.

— Я подхватил их по дороге, Джамбул-ата... — говорит Касым. — Они ехали к тебе.

— Ай, хорошо, дети мои... ай, хорошо! — И Джамбул вылез в окно.

Из подъезда дома выбегают доктор, молодежь. Ма-
шут в испуге руками:

— Джамбул-ата! Вам нельзя! Куда вы?

Бегут к дороге.

Тронулся автомобиль. В нем Джамбул, Касым, Алма,
Айдар и Галя. Джамбул весело смеется, кричит:

— Выручай, Касым! Погоняй!

Доктор садится в другую машину, едет следом.

Машина Джамбула едет по улицам Алма-Аты. Мно-
жество ликующих людей со знаменами, с цветами в
руках заполняют город. Играют оркестры, слышны
веселые песни.

Машина с доктором едет за Джамбулом. Празднич-
ные толпы людей. Поют, танцуют на улицах и пло-
щадах.

Машина Джамбула выезжает на площадь. Здесь осо-
бенно многолюдно и празднично.

Джамбула узнали. Окружают машину. Машут при-
ветственно руками, восторженно кричат.

Машина доктора въезжает на площадь.

Народ поднимает Джамбула на руки и несет к три-
буне правительства. Там Баранбаев, Василий Григорье-
вич. Джамбула радостно встречают. Подошедший док-
тор восхищенно говорит:

— До последней минуты будет гореть этот сказочный
человек!

Песни. Музыка. Множество рук с цветами тянется к
Джамбулу:

— Джамбул, сокол наш ясный!

— Джамбул-ата, спойте!

— Спойте нам, акын наш золотой!

Джамбул с сияющим лицом разводит руками:

— У меня нет с собой домбры.

В ответ из толпы поднялась домбра и по рукам поплыла к трибуне.

В другом месте появилась еще домбра, и так же из рук в руки народ передает ее Джамбулу.

Десятки домбр над толпой, передаваемые от одного к другому, плывут над площадью.

Джамбулу протягивают десятки домбр. Он не знает, какую выбрать.

Наконец берет одну, ударяет по струнам, на площади воцаряется тишина.

Далеко разносится голос акына:

Всех решительней, всех смелей,
Всех заботливей, всех мудрей
Вождь отважных наших полков.

Гул восторженного одобрения звучит над площадью.
Джамбул псет во всю силу своего голоса:

Вождь, как солнце, рассеявший тьму,
Совесьь мира, светоч веков —
Сталин, Сталин, слава ему!

На граните выгравирована надпись:

*«Учил меня Ленин бороться и жить,
Я буду, как Ленин, народу служить.
Как Сталин, и песни и жизнь свою,
Народ мой великий, тебе отдаю»*

Возникает дата: «1846—1945».

Монумент Джамбула из гранита: акын стоит, держа в руках свою неразлучную домбру.

Редактор М. Лакштовская
Технический редактор Л. Горилловская
Корректор А. Ратницкая

A02294. Подписано к печати 23/IV 1952 г.
Бумага 70×108^{1/2}. Бумажных листов 1,5.
Печатных листов 4,11. Учетно издательских
листов 4,025. Изд. № 383. Тираж 15000 экз. Зак. 75
2 р. 20 к. Цена по номиналу 1952 г.

Калужская типография Росполиграфпрема